

ЯРА КЪЯР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДЕВОЧКА,
Я ТЕБЯ ДОБЬЮ(СЬ)

Яра Къяр

Девочка, я тебя добыю(сь)

«Автор»

2024

Кьяр Я.

Девочка, я тебя добыю(сь) / Я. Кьяр — «Автор», 2024

Тимур Власов – наглый, красивый и опасный. Тот, кто пообещал превратить мою жизнь в ад. Я — скромная серая мышка с проблемами в семье. И вынуждена выполнять желания Власова, чтобы не вылететь из универа. Но одно мое решение меняет все. Теперь Власов преследует меня повсюду, а его желания становятся куда серьезнее, чем я могла представить.***— Власов, что ты делаешь в моей комнате? — вздрагиваю и пячусь назад. — Оставь меня в покое!— Хочешь разорвать наш договор? — зло щурится он и подходит вплотную, заставляя вжаться в стол.— Нет, — в ужасе мотаю головой. — Оставайся, только... Слова застревают в горле, когда в его глазах вспыхивает опасный азарт, а горячая ладонь касается моего бедра.— Не бойся, Наумова. Это задание тебе точно понравится.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	29
Глава 12	32
Глава 13	34
Глава 14	36
Глава 15	38
Глава 16	41
Глава 17	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Яра Кьяр

Девочка, я тебя добыю(сь)

Глава 1

— Работу сегодня никто не сдает, — раздается низкий голос Власова, и все напряженно замирают. — Преподу говорим, что ни о каком задании вообще речи не было. Всем ясно?

— Опять? — пищит Катька — наша главная зубрилка. — Я ведь столько времени потратила...

Во взгляде Власова тут же вспыхивает недобрый огонь.

— Я разве неясно выразился? — от его тихого, но угрожающего тона мурашки пробегают по спине, а в груди сжимается странное чувство — смесь страха и восхищения.

Катя тут же опускает глаза в пол, торопливо прячет работу в свою сумку и бормочет себе под нос:

— Все поняла.

— Молодец, — хмыкает Власов и холодным взглядом скользит по каждому из нас, будто выискивает малейший признак неповиновения. — Больше никому ничего не нужно объяснять?

Приятели Тимура, стоящие за его спиной, мрачно оглядывают группу, и нам не остается ничего, кроме как молча кивать, опуская глаза.

Тимур Власов с первого же курса показал всем, кто здесь главный, собрав вокруг себя банду таких же отвязных парней, как и он сам.

Власов привык, что всё и всегда идет по его сценарию, и не терпит возражений. А мы, хоть уже и не дети, которые боятся хулиганов со двора, а все равно ходим в страхе перед Власовым и исполняем все, что он скажет.

Уж не знаю, в чем тут дело. То ли в силе, что исходит от одного лишь взгляда, то ли в его харизме... Тимур ведь далеко не дурак, предметы ему даются легко. Но его бунтарский дух и нежелание играть по правилам делают его таким, какой он есть. А мы, как марионетки, пляшем под его дудку, лишь бы не навлечь на себя его гнев.

Но моя проблема куда серьезнее — я влюбилась в Тимура. Безнадежно и безвозвратно. Почему именно в него? Почему не в какого-нибудь тихого, спокойного парня, которого мне не приходилось бы бояться?

На этот вопрос у меня нет объяснения. И это жуткая несправедливость. С Власовым мы вообще на разных полюсах. Он никогда даже и не взглянет на такую, как я — послушную тихоню-зубрилку, серую мышку, которая одевается в жуткие шмотки, выбранные мамой.

И я бы даже не против делать все, что хочет Тимур. Не против измениться, стать той девушкой, что сможет привлечь его внимание... Вот только я не могу себе такого позволить, ведь дома меня ждет тиран похлеще Власова — моя мама. Она тоже привыкла всех держать под своим контролем. Это она решает, с кем и где мне гулять, куда ходить, как выглядеть...

Мама даже приезжала в универ, чтобы встретиться с куратором нашей группы — Ольгой Васильевной. Узнавала у нее о моих успехах в учебе, после чего вообще взяла номер Васильевны и теперь без конца названивает ей.

— Добрый день. Заходим, — раздается голос преподавателя, и мы входим в аудиторию вслед за ним.

Все рассаживаются по своим местам, готовясь испытать на себе гнев препода за невыполненное задание. А вот я готовлюсь к гневу Власова, потому что сегодня мне придется сдать работу...

Первый семестр третьего курса близится к концу, а у меня из-за Тимура тьма плохих оценок. Нужно их исправлять, пока не поздно, иначе мама из меня всю душу вытрясет. И если не сдам сегодняшнюю работу — считай все, плакала моя четверка, а вместе с ней и я.

— Передаем работы на стол, — произносит преподаватель, и к горлу подкатывает колючий ком.

— Какие работы, Радион Владимирович? — с искренним удивлением спрашивает его Тимур.

— Те, что я сказал подготовить на прошлом занятии, — сурово отвечает ему Владимирович, который давно пронюхал все ухищрения Власова.

— Так ничего ж не говорили, — пожимает Тимур плечами.

— Власов, лапшу на уши не вешай! У меня все отмечено.

— Наверное, вы отметили, а сказать нам забыли, — продолжает настаивать Тимур.

Радион Владимирович лишь щурится, с презрением глядя на Тимура, и садится за свой стол:

— Не вижу ни одной работы. Никто не сделал?

В аудитории стоит гробовая тишина, никто не шевелится, даже отличницы.

— Что ж, молодцы. Всем незачет, — подводит итог препод, и я тут же подрываюсь с места.

— Я сделала! — мой голос дрожит, а руки трясутся, пока я пытаюсь открыть замок сумки.

Спиной я чувствую, как на меня обрушивается взгляд Тимура, горячий и испепеляющий.

И мысленно прошу у него прощения за то, что подставила.

— Вот, — спешно иду к преподавательскому столу и кладу работу.

— Неужели, — хмыкает препод. — Еще кто-то?

Аудитория оживает, и почти все бегут сдавать работы. Все, кроме банды Тимура.

Ребятам, выполнившим домашку, бояться уже нечего — все шишки будут у меня, ведь именно я пошла против Власова.

Возвращаясь на свое место, я ловлю пристальный взгляд Тимура, в котором отчетливо читается: «Тебе крышка, Наумова».

Остаток пары я провожу в напряжении, не в силах воспринимать то, что объясняет Радион Владимирович. Я лишь переписываю информацию с доски и молюсь, чтобы ребята меня поддержали и объяснили Тимуру, что не сдать курсовые сегодня было очень жесткой подставой для всех нас. Но я знаю, что этого не будет.

Еще до окончания пары я складываю вещи в сумку и готовлюсь бежать. И как только Радион Владимирович нас отпускает, я тут же подскакиваю с места и, расталкивая всех, мчусь к выходу. Вот только все оказывается зря...

Власов догоняет меня в конце коридора и крепко хватается за плечи, разворачивая к себе лицом. Впечатывает меня в холодную стену и ударяет по ней ладонями по обе стороны от меня, отрезая путь.

— Самая умная? — хриплый голос Власова отражается тревожным эхом в груди.

Он сжимает челюсти, и его скулы заостряются, а на щеках белеют желваки. В бездонных карих глазах читается жгучая ненависть.

— Нет, — мотаю я головой из стороны в сторону и с ужасом смотрю на Тимура.

— А тогда какого хрена ты это сделала?

— Прости, я просто не могла... — шепчу я, а на глаза накатываются слезы.

— Идиотка, — выплевывает он и бьет кулаком в стену, заставляя меня зажмуриться.

— Не надо, пожалуйста, — в ужасе прошу я и поднимаю на Власова несмелый взгляд. — Если бы я не сдала работу, то меня бы мама дома прибила...

— Мамочку боишься? — зло усмехается он и добавляет: — Держись теперь, Наумова. Все время ходи и оглядывайся. Я тебе такой ад устрою, который даже в самом страшном сне не увидишь!

Власов окидывает меня напоследок уничижительный взглядом, брезгливо отшатывается от меня и скрывается в толпе вместе со своей бандой. А я лужицей стекаю вниз по стене и опускаю голову на колени, пряча свои слезы от остальных.

Глава 2

Больно и до невыносимого обидно. Всего один поступок превратил меня из невидимки в объект ненависти. Я ведь мечтала о том, что бы Тимур меня заметил? Пожалуйста! Получите, распишитесь! Но не такого я внимания от него хотела, совсем не такого...

А ведь не так плохо было, когда он меня в упор не видел. Тогда я еще могла надеяться то, что в какой-то момент он взглянет на меня иначе и захочет сблизиться. Хотя бы просто как друзья. А теперь... Теперь можно оставить эти пустые мечты навсегда.

— Насть, ты чего? — толкает меня в плечо моя одноклассница Алёна и садится на пол рядом со мной. — Не расстраивайся так. Ты все правильно сделала! Давно уже пора было перестать делать то, что говорит Власов, но ты одна набралась смелости.

— Да ничего я не набралась! — всхлипываю я, не поднимая головы. — Если бы не мама, я бы забила на эту работу и не парилась. А теперь Власов всех собак на меня спустит!

— Блин, Настюх, ну не все так страшно же, чтобы сидеть сейчас и реветь из-за этого придурка. Не станет же он тебя бить! Он даже пацанов наших ни разу пальцем не тронул, только угрожал. А девочку тем более не станет трогать. Ну скажет тебе сделать за него курсачи, ну и что? Не впервой же. Мы тебе если что поможем. Правда, ребят?

— Естественно, — звучит надо мной хор голосов.

Поднимаю голову и вижу почти всех ребят из своей группы, столпившихся вокруг меня с Алёной. Становится так неловко и стыдно оттого, что я, девятнадцатилетняя тетка, сижу и реву на глазах у всех. Как малое дите, ей богу! Но все же приятно, что ребята не бросили меня одну в беде и решили поддержать.

— Спасибо, — тихо отвечаю, шмыгая носом, и утираю заплаканные глаза рукавом.

— Ну все, пошли, — Алёна подхватывает меня под руку и поднимает с пола. — Я тебя до остановки провожу.

Улыбаюсь, тем самым благодарю Алёну за поддержку, хотя выходит вымученно, ведь на душе все равно паршиво. Медленно плетусь с ней по лестнице и на каком-то подсознательном уровне достаю телефон из кармана и смотрю на время.

— Блин, Алён, я же на электричку так опоздаю! — выпаливаю я и с вытаращенными глазами начинаю бежать по лестнице, выкрикивая приятельнице напоследок: — Спасибо тебе! Завтра увидимся!

Мчусь со всех ног на остановку. Выскакиваю за территорию универа и вижу остановившийся трамвай, в который заталкивается толпа людей.

— Успеваю, — думаю я про себя, оценивая оставшееся расстояние и то время, которое потребуется для того, чтобы все зашли в транспорт.

Но неожиданно поскользываюсь на обледеневшей дорожке и со всего размаху подаю на спину, больно ударяясь копчиком. Не успеваю даже очухаться, как кто-то поднимает меня и ставит на ноги.

— Спасибо, — выдыхаю я, даже не взглянув на своего помощника, и мчусь вновь на трамвай.

В последний момент заскакиваю в закрывающиеся двери и выдыхаю. Успела! Вот только людей, в частности студентов, которые тоже едут домой после учебы, в трамвай набилось столько, что даже в салон через турникет не пройти. Приходится ехать еще несколько остановок, стоя у входной двери. В тесноте, конечно, зато на электричку еще могу успеть.

Когда в трамвае становится посвободнее, продвигаюсь в салон и, вставив наушники, включаю музыку. Путь у меня долгий, нудный, и только музыка может скрасить его.

Да, времени на дорогу тратится очень много, зато учусь не в каком-то там областном институте, который у нас один на весь город, а в московском государственном университете.

Нет, не в МГУ, конечно. Это было бы слишком уж круто для меня. Аббревиатура моего учебного заведения МГУП — университет печати. Но разница же всего в одну букву, так? Ну а в разговоре со старыми знакомыми или дальними родственниками можно и не упоминать этот незначительный нюанс, чтобы придать себе больше статуса. Собственно, так и делает моя мама.

Но я в любом случае довольна, что учусь именно здесь, хоть и выбрала это место не совсем сама. После школы я вообще понятия не имела, кем хочу быть. В девятом классе мечтала стать врачом, внезапно полюбив биологию. Но мама сказала, что это полнейшая глупость, аргументируя это тремя вещами: я плохо переношу вид крови, врачи зарабатывают мало, стоимость обучения в медицинском непосильна высока, а поступить на бесплатное отделение у меня нет никаких шансов. Спорить было бессмысленно с ней, поэтому эту мечту мне пришлось оставить, а новая так и не возникла.

И вот, закончив школу, я подала копии документов на два факультета в местном институте нашего города, а еще с десятков комплектов развезла по разным московским универам, выбрав те специальности, которые мне показались более-менее интересными. Оригиналы же отвезла в МГУП — сюда поступал мой одноклассник, у которого тетя работала деканом на факультете и могла немного протолкнуть нас вперед, если вдруг не удастся поступить на бесплатное обучение куда-то еще.

В институт своего города я не поступила, потому что за зачисление на бесплатное место у мамы затребовали денег, а она от этого отказалась. Иронично, конечно, что за бесплатное нужно еще отдать деньги. Но такое, увы, нередко встречается во всех сферах нашей жизни, особенно в провинциях, где люди зарабатывают немного и крутятся как только могут.

Поступила я в полиграфический и еще куда-то, кажется, в пищевой. Ну и выбрала то, что мне показалось наиболее интересным и перспективным.

Правда, из дома добираться в универ очень далеко. Каждый божий день я трачу на дорогу туда и обратно часов по шесть, если не больше.

И вот уже три года у меня просто не остается времени на хоть какую-то личную жизнь: у меня ранний подъем, дорога, учеба, снова дорога... А по возвращении домой меня ждут задания, помощь маме и снова сон. И впихнуть еще что-то в этот плотный график просто нет возможности.

И как же я устала от этого ритма жизни! Не говоря уже о проблемах дома... Все студенческая жизнь просто проходит мимо меня. А все почему? Потому что мама не позволила мне жить в общежитии, комнату в котором я могла получить. Слишком мала я еще в ее понимании для самостоятельной жизни вдали от дома.

Справедливо ли это по отношению ко мне? Совсем нет. Но при поступлении я просто не нашла в себе смелости перечить маме.

А сейчас... Сейчас мое терпение уже медленно подходит к концу, вот только менять что-то уже поздно. Или все же не поздно?

Глава 3

После поездки в трамвае я иду на метро, где еду еще девять станций с одним переходом на другую ветку. А затем бегу на вокзал, ведь до электрички остается всего десть минут.

В кассах оказывается тьма народа. Все спешат, никто не хочет войти в мое положение и пропустить. Приходится проходить через турникет вслед за пассажиром с билетом и ехать в электричке зайцем.

Иногда я так делаю, даже когда есть время на покупку билета, чтобы сэкономить деньги. Ведь стипендия всего три пятьсот, а накопления после летней подработки подходят к концу. Мама, конечно, компенсирует мне затраты на дорогу, но только частично, ссылаясь на то, что для этих целей у меня есть стипендия. А мне, между прочим, еще ведь кушать надо что-то весь день в университете!

Есть, правда, минус в поездке зайцем — приходится перебегать из одного вагона в другой, когда проходят контролеры и проверяют наличие билетов. Благо, перебегает целая братия таких же зайцев, как и я, а толпой бежать не так уж и страшно. Хотя все равно всегда переживаю, что случайно споткнусь, упаду, и меня затопчут. Особенно страшно зимой, когда гололед. Но, к счастью, со мной такого ни разу не приключилось.

В электричке тоже приходится стоять в толкучке, а свободные места появляются лишь незадолго до прибытия на мою станцию. Пока есть время и возможность, быстренько делаю задание по матану, чтобы дома пришлось делать поменьше, и у меня появилась возможность лечь спать пораньше.

Выйдя из электрички, спрыгиваю с перрона, потому что на нашей станции через турникет за кем-то другим уже не дадут пройти — такие вот у нас злые охранники. Плюс в том, что в автобусе окажусь раньше, чем те, кто ездит с билетом и идет по переходу к выходу с вокзала. Потому успеваю занять место и оставшиеся пятнадцать минут до дома еду как королева.

К вечеру у меня обычно и без того нет сил, а после нервотрешки из-за Власова ощущаю себя словно выжатый лимон. Давно заметила, что после нервного напряжения чувствую себя более усталой, чем если бы вскопала огород.

Наконец, добравшись до дома, поднимаюсь на свой этаж и уже в подъезде слышу крики, доносящиеся из нашей квартиры. Опять мама с отчимом что-то не поделили, или младший брат снова нашкодничал. Ему всего три, но, бывает, гадостей наделает в таком объеме, что потом всей семьей еще целый день приводим квартиру в порядок.

Открываю входную дверь и чувствую запах гари. Видать, мама снова вкусняшку приготовила. У нее и так кулинарные способности на таком уровне, что иногда диву даешься, как можно настолько испортить то, что испортить невозможно, даже макароны. А тут еще и пригорело.

— Как ты меня достал, Олег! Ты за своим компом вообще ничего не видишь! — кричит мама в зале, пока я раздеваюсь. — Я ведь попросила последить за курицей, пока я в ванной! А теперь всю сковородку в помойку! Жрать теперь что будешь?!

— Ир, ну я... — мямлит в ответ Олег, но мама его прерывает на полуслове.

— Я весь день пашу для чего? Чтобы потом выбрасывать деньги в мусорку?! От тебя вообще никакой помощи, только и умеешь, что в свои игрушки играть! Все, заколебал, разводемся!

Олег никак не реагирует на мамину угрозу, потому что слышит это ежедневно. Ну а маме давно пора понять, что эти слова не имеют никакого эффекта, и уже нужно либо смириться с натурой Андрея (которую она, видимо, не замечала до брака), либо уже по-настоящему развестись и перестать трепать всем нервы.

Встречать меня из комнаты прибегает брат:

— Привет, Нать! — на своем ломаном детском языке обращается он ко мне.

— Привет, — улыбаюсь брату и глажу его по светловолосой макушке. — Что, опять ругаются?

— Ага, — кивает он и тоже мне улыбается, не придавая значения ругани только потому, что слышит ее с самого своего рождения.

— О, ты приехала? — выглядывает из комнаты мама и торжественно заявляет: — А на ужин у нас сегодня только гречка! Олег спалил всю курицу!

— Да я уже услышала, — киваю в ответ и вздыхаю, ведь больше всего на свете терпеть не могу гречку, а запихать ее в себя могу разве что с подливкой от мяса.

— Работу сдала? — интересуется она, следуя за мной в ванную.

— Сдала, — отвечаю ей и включаю воду, чтобы помыть руки.

— И что тебе за нее поставили?

— Во-первых, за работу оценок не ставят. Ее либо зачтут, либо не зачтут. А, во-вторых... мам, ну откуда я знаю? Я ведь только сегодня ее сдала, еще проверить не успели.

— Не огрызайся с матерью! — мигом переходит она на крик. — Вырастила на свою голову!

— Да никто не огрызается, — отвечаю ей, пытаюсь оправдать себя, но наперед знаю, что бесполезно это, особенно когда она не в настроении. — Я просто объяснила тебе, что еще не могу знать о результате.

— Значит плохо сделала, раз не знаешь! Если бы старалась, то была бы уверена в своих силах и результате!

В ответ ничего не говорю, лишь вздыхаю. Мало мне было, что ли, неприятностей сегодня?

Полужинав и помыв за всеми посуду, быстро доделываю задания и собираю сумку, а затем подготавливаю одежду на завтра. Заглянув в шкаф, нахожу на вешалке водолазку грязно-лилового цвета, которую вижу в первый раз.

— Это твоя? — спрашиваю у мамы, придя к ней в комнату и демонстрируя незнакомую водолазку.

— Нет, это я тебе вчера купила. Забыла сказать, — отвечает она, натирая руки кремом.

— Мам, ну я же просила, не покупай больше вещи без меня. В такой одежде никто из молодежи не ходит.

— А в какой ходят? В топиках с голым пузом? Или прозрачных блузках, в которых вся грудь наружу? — возмущается она.

— Да почему сразу наружу? — возражаю ей. — Есть ведь нормальные вещи, которые...

— А-а. Это, значит, ненормальная вещь? — фыркает она, вырывая водолазку из моих рук. — Ну и ходи, значит, в старье, пока мозгов не наберешься и не научишься понимать, где нормальная одежда, а где хлам помоечный. Я, между прочим, девятьсот рублей за нее отдала!

— Тогда просто верни ее в магазин, ладно? — вздыхаю я и быстро выхожу из маминой комнаты, пока не разразился очередной скандал.

Закрываюсь в своей комнате, выключаю свет и ложусь в постель, уткнувшись лицом в подушку. Слезы неконтролируемо рвутся наружу. Кажется, у меня больше нет сил терпеть все это.

Говорят, если ты не можешь что-то изменить, просто поменяй свой взгляд на происходящее. Но я не могу. Не могу поменять свой взгляд на все это. А потому остается лишь одно — набраться смелости и просто съехать из этого кошмара.

Глава 4

Утро проходит в обычном режиме с подъемом в пять утра и сборами в темпе вальса. Собираться приходится как всегда тихо, а ходить на цыпочках, чтобы, не дай бог, не разбудить маму.

Умываюсь, делаю себе бутерброды с колбасой, один из которых съедаю, запивая кофе, а еще два кладу в пакетик, чтобы взять с собой на обед. Пока иду к раковине, чтобы помыть чашку после себя, спотыкаюсь об машинку, которую бросил брат посреди кухни, и едва успеваю опереться на столешницу кухонного гарнитура, чтобы не упасть. Зато из руки выскальзывает кружка и вдребезги разбивается об ламинат.

Капец! Точно маму разбудила.

Только успеваю подумать об этом, как тут же слышу шарканье ног в тапочках, и на кухню входит мама. Ее заспанные глаза злющие-презлющие, будто я дом спалила, или что похуже.

— Ты издеваешься?! — рычит она, оглядывая пол, усыпанный осколками.

Мне бы начать убирать с пола, пока еще есть время, но застываю на месте как вкопанная, отчаянно желая превратиться в каменную статую или стать невидимкой.

— Нет, не издеваюсь, — мямлю я и мотаю головой из стороны в сторону. — На полу игрушка просто валялась, а я не увидела ее и споткнулась. Кружку вот разбила, хорошо хоть лоб не расшибла.

— Лучше б лоб расшибла, чем кружку разбила! — фыркает мама. — Может тогда научилась бы под ноги смотреть. А лучше бы сразу прибрала за братом игрушки, и вообще проблем бы не было!

— Так я ж говорю, не увидела.

— Не увидела она... Я еще могла бы полтора часа поспать, а из-за тебя вставать пришлось!

— Ну так иди ложись, пока еще есть время, чего ты, — пытаюсь успокоить ее.

— Я уже проснулась и снова уснуть не смогу! Спасибо, Настя, за доброе утро! — добавляет она напоследок, будто я специально все это сделала, и со злобным лицом уходит с кухни.

Заряд позитивной энергии с самого утра получен. Спасибо, мама!

Сметаю веником осколки с пола и смотрю на время: уже пять минут, как я должна была выйти из дома! Бегу в коридор, быстро одеваюсь, обуваясь, подхватываю сумку и свернутый ватман с работой по начертательной геометрии, а затем выскакиваю из дома.

На улице сегодня сильный мороз, ладони мерзнут даже в варежках, но спрятать руки в карманы не могу, потому что приходится нести в них ватман. Вот купила вы себе тубус с веревочкой, повесила бы его на руку сейчас и не мучилась. Но, нет же, пожалела шестьсот рублей!

К счастью, успеваю на свой автобус, поэтому и на электричку добираюсь вовремя, даже билет успеваю купить. В вагоне привычная толкучка, и моя работа рискует быть помятой. Благо добрые люди помогают закинуть ее на верхнюю полку для вещей, потому что сама я до нее не достаю.

Не помять бы работу за целый день и донести ее на последнюю пару в первозданном виде. Преподают по начерталке у нас просто зверь, заставляют перечерчивать все заново из-за каждой мелочи, даже если уголок листа помялся. А Андрею из нашей группы даже работу циркулем проткнул, когда Андрей отвечал на вопросы и назвал отверстие дыркой. Преподают проткнул его работу с огромным удовольствием, сопроводив громогласной фразой: «То, на что ты показал — отверстие, а вот это — дырка!». Надо ли говорить, что Андрею пришлось переделывать ту работу?

Всю дорогу прокручиваю воспоминание с утренними ругательствами мамы, не в силах выкинуть их из головы. Умом-то я понимаю, что это никак не поможет и ни к чему не приведет, только лишь к очередному расстройству, но ничего не могу с собой поделать. Но стоило мне увидеть парня в куртке, как у Власова, мысли тут же меняют свое направление. Теперь я начинаю переживать и накручивать себя из-за его вчерашней угрозы. А ведь благодаря настрою, который вчера с вечера задала мама, я успела позабыть об этой неприятности.

Первые две пары проходят вполне спокойно, Тимур даже не обращает на меня внимания, и уж тем более не сыплет очередными угрозами. Может, попустило его за вечер, и он не станет ничего мне делать? Хорошо бы, если так.

Но только было я успокоилась, как беда приходит, откуда не ждали. Сажу на обеденном перерыве в столовой, уплетаю свои бутерброды, запивая чаем, и никого не трогаю. Между столиками бесконечно снуют студенты, спешащие занять очередь и купить себе что-нибудь на обед. Ничего необычного, все, как и всегда. И тут кто-то внезапно толкает мой столик... Пластиковый стаканчик с чаем, который стоит в этот момент на столе, переворачивается. Хорошо, что горячая жидкость льется не на меня, а просто растекается по столу. Поднимаю глаза и вижу Антона Бадалова — своего одноклассника из банды Тимура. Стоит возле меня с невозмутимым лицом и хлопает глазами.

— Сорри, я случайно, — сухо произносит он, что больше походит на отмашку, чем на извинение.

— Ничего, — вздыхаю я и пожимаю плечами.

Всякое ведь бывает. Не специально же он влетел в мой столик. Споткнулся, может, как я утром, или его кто-то из толпы толкнул. Хорошо, что на меня не попало, и я не испачкалась и не обожглась.

Но этот позитивный настрой мигом улетучивается, когда я перевожу взгляд на соседний стул, на котором оставила свои вещи: пролитая жидкость тонкой струйкой стекает по столу и льется не на пол, а прямо на ватман, который жадно впитывает в себя чай!

Глава 5

— Нет-нет-нет-нет... — бормочу себе под нос, схватившись за голову, и с ужасом понимаю, что труд нескольких недель пошел насмарку.

Хватаю ватман со стула и в отчаянии пытаюсь промокнуть его рукавом кофты, но ничего не меняется, что вполне ожидаемо. Колочий ком обиды обжигает горло, пелена слез застилает глаза, и я уже готова впасть в истерику.

Закидываю сумку на плечо и бегу из столовой, бросив недоеденные бутерброды. Не вижу никого и ничего вокруг, хочу просто поскорее скрыться от чужих глаз и дать волю слезам, потому что держать их в себе становится невыносимо.

Мне ведь так тяжело дается начерталка! Я столько времени убила на то, чтобы начертить эту долбаную деталь в трех проекциях! Ладно бы в одной, но в трех?! Это ведь как соображать надо, чтобы понять, как она будет выглядеть со всех сторон?! Нам ведь только вид спереди дали. Но я все равно справилась, потому что старалась. Все выходные проводила над этой работой, лишь бы успеть сдать в срок, а, выходит, все было зря! Вообще все!

Неожиданно влетаю в чью-то высокую фигуру и молюсь, чтобы это не оказался какой-нибудь там декан или ректор.

— Простите, — мямлю я, смаргиваю слезы и поднимаю глаза.

Власов. Собственной персоной. Глядит на меня сурово из-под сведенных бровей и испепеляет взглядом.

— Наумова, ты совсем страх потеряла? — басит он.

— Нет, я просто... Просто у меня...

— Просто, просто, — с пренебрежением передразнивает он. — Дело к тебе есть.

— Прости, мне сейчас не до этого, — мотаю головой и делаю шаг в сторону намереваясь уйти, но крепкая хватка парня заставляет меня остановиться и вновь замереть.

— Кажется, ты чего-то не поняла? — его недовольство сменяется откровенной злостью.

Разум тут же проясняется, и я начинаю соображать, что и кому я только что сказала.

— Извини, я... попутала что-то. Какое у тебя ко мне дело? — встрепенувшись, отвечаю я.

— Влас, ты че так долго? Тоха уже... — прерывает наш разговор Виталик, но тут же замолкает, замечая меня.

— Да иду я уже, иду, — отвечает ему Власов и обращается ко мне: — Ладно, Наумова, выдохни пока. Поговорим позже.

С этими словами он уходит со своим приятелем в столовую, а я напрягаюсь, думая о том, что же Тимур от меня хочет. Зато закрыться в туалете и безудержно плакать из-за работы уже не хочется, хоть и по-прежнему обидно. Ведь препод вряд ли примет ее, даже если я объясню, что испортилась она не по моей вине. Но можно ведь попытаться. Вдруг сегодня у него будет хорошее настроение, и он пожалеет меня?

До пятой пары мне удастся дотерпеть с трудом. Все время думаю и гадаю, удастся ли мне все же сдать работу, зачтут ли ее. А на самой паре по начерталке тяну до последнего, боясь узнать решение препода.

Когда очередь подходит к концу, беру свою работу с коричневым пятном, находящимся ровно в центре листа, подхожу к преподавательскому столу и кладу ватман перед Анатолием Сергеевичем.

— Это что?! — возмущенно глядит на меня он, тыча линейкой в пятно.

— В столовой сегодня кто-то чай на него пролил. Случайно, — оправдываюсь я, виновато опустив взгляд. — Но я так долго делала эту работу, так старалась! И понадеялась, что вы все же примете...

— Не приму, — отрезает Анатолий Сергеевич, и меня захлестывает прежнее отчаяние.
— Но не из-за пятна.

— Не из-за пятна? А из-за чего же? — изумляюсь я.

— Смотри, ты вот это отверстие неверно перенесла на вид сверху, — и указывает линейкой на мою ошибку, а затем начинает сверять линейкой размеры детали в разных проекциях.

Выжидаю, поджав губы и надеясь, что ошибка у меня всего одна. Но вывод преподавателя меня не радует: ошибок оказывается несколько, и все Анатолий Сергеевич помечает красной ручкой, как делает это всегда, чтобы шансов что-то стереть и исправить уже не было — только переделывать.

— Все это тебе нужно еще раз перемерить и исправить, — заключает он. — До следующего занятия у тебя еще есть время.

— Вы даете мне еще неделю? — удивляюсь снисходительности преподавателя, который обычно рвет и мечет от малейшей ошибки.

— Нет, если хочешь, я прямо сейчас поставлю тебе незачет, — хмыкает он.

— Нет-нет, не нужно! — одергиваю его.

— О, вот еще: основную надпись поправь, — добавляет он новые пометки красной ручкой. — Если переделаешь раньше, можешь прийти на занятие с другой группой и показать. Вдруг опять напортачишь, и снова придется переделывать. А так у тебя хотя бы шанс появиться сдать работу вовремя.

— Хорошо, спасибо большое! — широко улыбаюсь и сгребаю свою работу со стола.

Обидно, конечно, что допустила ошибки. Зато зря расстраивалась из-за пролитого чая, работу-то все равно придется переделывать. Но хотя бы не из-за чьей-то вины, а из-за своей собственной. А это кажется уже не столь трагичным. Тем более, что преподаватель дал мне еще неделю на переделку.

Настроение немного поднимается. Складываю ватман вчетверо и убираю в сумку, ведь теперь можно уже не волноваться за его внешний вид. Слушаю перешептывания ребят, которым удалось сдать работы, и улыбаюсь, радуясь за них.

По окончании занятия выхожу из аудитории вместе со своей группой, надеваю куртку и разматываю наушники перед дорогой домой, как друг слышу оклик Власова:

— Наумова, стой!

Замираю и даже дышать перестаю. Точно, Тимур же что-то от меня хотел!

— Стою, — отвечаю ему, развернувшись назад.

Он подходит совсем близко, и мне приходится вскинуть голову, чтобы смотреть в его наглое, но красивое лицо.

— Помнишь, ты вчера меня подставила с курсовой по допечатке? — насмехается Тимур, будто это возможно забыть, да еще и так быстро.

Сглатываю ком, вставший посреди горла, и тихо отвечаю, кивнув:

— Помню.

— Так вот. Из-за тебя мне придется сдавать курсач уже завтра. Смекаешь, к чему я?

— Не-а, не смекаю, — мотаю головой.

— Ты должна подготовить его за меня к завтрашнему дню, — отвечает он.

— Тимур, это же нереально! — ахаю я. — Я свой неделю делала и...

— Свой, это вот этот? — ухмыляется он и достает из своей сумки мой курсач.

Мой! Тот самый, что я вчера сдала Радиону Владимировичу!

— Откуда он у тебя? — изумленно лепечу я и тяну руку, чтобы забрать свою работу, но Власов поднимает ее над своей головой, чтобы я уж точно не дотянулась.

— Не важно, откуда. Важно вот что: если не сделаешь работу к завтрашнему дню, лишишься зачета вместе со мной.

— Тимур, пожалуйста, не надо так, — молю его, готовая тотчас разреветься.

— Надо было думать, Наумова, прежде чем делать что-то наперекор мне. Ну все, чеши отсюда, не трать время зря, а то не успеешь ничего сделать.

До боли закусываю губу, чтобы не разрыдаться прямо на глазах у Власова, и молча киваю, соглашаясь с его просьбой. А затем резко разворачиваюсь и быстрым шагом иду прочь, глотая слезы.

— Удачи тебе, Наумова! — кричит мне вслед Власов. — Она тебе понадобится.

Глава 6

Хочется волком выть, кричать от досады, спрятаться где-нибудь ото всех и реветь, реветь без остановки. Кажется, будто я попала в какую-то петлю, состоящую из одних лишь бед, и выбраться из нее невозможно. Второй день подряд в моей жизни творится сущий кошмар. Нет, неприятности, конечно, и раньше случались, но сейчас им просто нет ни конца, ни края. Хочется, чтобы кто-то подошел ко мне, хорошенько встряхнул за плечо и громко прокричал на ухо: «Хватит спать! Проснись, иначе этот ужас никогда не кончится!».

Душу в себе накатывающую истерику, и мысленно проговариваю:

— Не время реветь, Настя. Если не хочешь еще больше проблем, то возьми себя в руки, не раскисай! У тебя еще целый вечер, чтобы сделать работу для Власова.

Кажется, прежние чувства к Тимуру и обида от отсутствия его внимания исчезают быстрее, чем можно было только представить. На смену приходит злость и разочарование оттого, что он оказался таким гадом.

Вернее, не так. То, что он ведет себя по-гадски, я знала давно. Вот только почему-то не хотела воспринимать это на должном уровне. Пока его издевки не касались лично меня, на глазах будто пелена была, которая сейчас внезапно растворилась. И теперь я отчетливо понимаю, что абсолютно зря надеялась на его взаимность. Ведь отношения с таким парнем, как Тимур, ни к чему хорошему не приведут.

Добравшись до вокзала, беру в кассе билет. Пока еще есть время, иду на второй этаж зала ожидания и покупаю себе бургер с картошкой фри. Нормально пообедать мне сегодня так и не удалось, а на ужин тем более не будет времени, так что нужно поесть сейчас, пока имеется возможность. Слишком уж большие траты за сегодня выходят — и билет на дорогу, и покупная еда... Но делать нечего, приходится чем-то жертвовать, чтобы успеть написать работу к завтрашнему дню.

Билет купила по одной простой причине — чтобы занять место в вагоне и спокойно сидеть готовить работу, а не следить за появлением контролеров и убегать от них. Конечно, нет абсолютной гарантии, что я успею занять место в вагоне, но очень на это надеюсь, иначе потеряю кучу свободного времени зря.

Обычно я захожу в вагон одной из последних, когда волна самых активных и толкающих друг друга пассажиров проходит. Не люблю я эти толкучки, прямо паника начинается в такие моменты. Но сегодня я готова пожертвовать своим комфортом ради учебы.

К своему невероятному счастью, успеваю занять место и тут же принимаюсь выбирать материал для работы Тимура. Методичек по допечатке сегодня у меня нет с собой, зато нахожу их в интернете, еще и в формате текстового документа, из которого смогу копировать часть информации.

Пока делала свою работу, почему-то даже не додумалась поискать файл методички в сети, чтобы ускорить себе работу и не печатать вручную выдержки из методички. Зато сейчас, в экстренной ситуации, путевые мысли возникают сами собой.

Пишу курсовую прямо в телефоне, чтобы потом сразу отправить файл к себе на компьютер, отредактировать и распечатать. Вот только работа идет не так быстро, как мне того хотелось бы. Оказывается, на телефоне писать куда сложнее, чем на компьютере.

Когда добираюсь до дома, быстро раздеваюсь, бросив вещи на кресло, что стоит у нас в прихожей, и лечу в свою комнату. Мама с Олегом снова ругаются из-за чего-то, но я не вслушиваюсь, некогда мне. Перекидываю файл с телефона на компьютер и начинаю работать в полную силу.

— А ты чего не здороваешься даже? — спрашивает мама, зайдя в мою комнату.

— Прости, времени просто в обрез, — тараторю я, чтобы сильно не отвлекаться.

— Что, поздороваться с мамой так долго? И на что у тебя там времени в обрез, а? Не сделала что-то вовремя? — с подозрением спрашивает мама.

— Нет, не долго, просто вы с Олегом разговаривали, и я не стала вклиниваться. И все я вовремя сдала, просто сегодня срочную работу задали. К завтрашнему дню надо выполнить, — отмахиваюсь я, ведь маме уж точно не нужно знать всех подробностей.

— Ну ты хоть поужинай, а потом уже делай, — продолжает она.

— Я на вокзале себе бургер купила. Не буду ужинать, спасибо.

— У тебя денег что ли дохрена, что ты ешь всякую покупную дрянь?! — ругает она меня на свою излюбленную тему.

— Мам, — вздыхаю и отрываюсь от работы, потому что мама теперь не отстанет, пока не выскажет мне все, что думает. — Ну один раз купила, что такого? Я в обед не ела, голодная была очень. Вот и решила купить бургер, чтобы заодно дома не тратить время на ужин.

— Поужинать можно за пять минут, Насть! — возмущается мама. — А на те деньги, что ты потратила на полную ерунду, можно было килограмм курицы купить и накормить всю семью! Вообще не знаю, как ты будешь жить, когда замуж выйдешь? Хотя, кто тебя замуж такую возьмет? Нормальным мужикам нужны хозяйственные, экономные. А ты есть не готовишь, не убираешь...

— Ну как это не убираю? — перебиваю ее. — Я каждые выходные всю квартиру генералю. А посреди недели — уж извините! Я на дорогу трачу несколько часов и еле успеваю задания выполнить! Когда мне домашними делами заниматься?

— Не дерзи мне! — все, что находит ответить мама, потому что понимает, что я права, ну или это только я так думаю. — Вот сколько времени мы потратили на разговоры? Уже поесть можно было успеть!

— Ну так это ты ведь меня отвлекаешь! — выпаливаю я, потому что уже нет ни сил, ни терпения что-либо спокойно объяснять маме.

— Бессовестная! Я с тобой больше не разговариваю, поняла?! Вот как подумаешь над своим поведением и попросишь прощения, тогда и будем говорить!

С этими словами мама уходит и громко хлопает дверью, а я облегченно выдыхаю и принимаюсь вновь за работу. За временем не слежу, чтобы не отвлекаться, а пишу, пишу и пишу. И когда, наконец, нажимаю кнопку, чтобы распечатать работу, опускаю взгляд в нижний угол монитора и ужасаюсь: два ночи! А это значит, что до утреннего подъема всего три часа!

Быстро сшиваю листы степлером, собираю сумку на завтрашний день и заваливаюсь в постель прямо так, даже не переодевшись. И совершенно забываю о том, что на утро нужно было поставить будильник...

Глава 7

— Настя, ты почему еще дома?! — слышу сквозь сон возглас мамы и подрываюсь с постели, вытаращив глаза.

— А сколько времени? — бормочу заспанным голосом в поисках своего телефона.

— Так семь уже! — хмыкает она и недовольно добавляет: — Не сделала вчера заданную работу и решила прогулять?

— Да нет же, мам! Просто поспала! — оправдываюсь, быстро причесывая волосы. — А первая у нас сегодня физкультура, так что ничего страшного. Лишь бы на вторую пару успеть.

— Ну так шевелись! — резко отвечает мама, будто я ничего не делаю в этот момент.

Бросаю расческу и бегу в ванную. Быстро умываюсь, хватаю свои вещи, обуваясь и выбегаю из дома, надевая куртку по дороге к лифту. Со всех ног мчусь на остановку, вот только зря — автобус приходится ждать еще пятнадцать минут, так что можно было и спокойно идти.

Зато на электричку успеваю прямо впритык — вижу ее, как только перехожу через турникет, и бегу с выпученными глазами по переходу над железными путями. Двери ближайшего вагона начинают закрываться, как только я спрыгиваю с последней ступеньки, еще и на ногах едва удерживаюсь, поскользнувшись. К моему счастью, один из пассажиров видит мои жалкие потуги успеть на электричку и придерживает двери, чтобы они не закрылись. Забегаю в вагон и, задышав, обращаюсь мужчине:

— Спасибо вам огромное! Без вас не успела бы.

— Пожалуйста, — улыбается он и довольный заходит в вагон.

Я захожу вслед за ним и оглаживаю вагон в поиске свободного места. Коленки трясутся, а легкие горят после такой стремительной пробежки по морозу. И все, чего сейчас хочу — куда-нибудь сесть.

В этой электричке оказывается куда свободнее, чем в той, на которой я езжу каждое утро, но свободных мест все равно нет. Поэтому я перехожу из одного вагона в другой, и на свою удачу все же отыскиваю незанятое место. Вернее, оно занято, но всего лишь сумкой, которую женщина с недовольством убирает и кладет к себе на колени, освобождая мне место.

Плюхаюсь на сидение и, наконец, выдыхаю. Расстегиваю куртку, в которой невыносимо жарко после беготни, и откидываюсь на спинку. Смотрю на время — на вторую пару точно должна успеть! И со спокойной душой достаю наушники и включаю музыку.

Когда до конечной станции остается совсем немного, получаю сообщение от незнакомого номера:

«Ты где есть?!»

Интересно, кто это? Может, номером ошиблись?

Ничего не отвечаю и через несколько минут получаю новое смс:

«Наумова, не испытывай мое терпение!»

В голову приходит лишь одна мысль — это пишет Власов. Вот только откуда у него мой номер? В универе я общаюсь только с Алёной, и мой номер есть лишь у нее. Мы, конечно, не подруги, а просто приятельницы, но мой номер Тимуру она вряд ли стала бы давать после его выходки. Хотя, если он ей чем-то пригрозил, могла и проколоться.

Все же решаю уточнить, кто это, и пишу ответное сообщение:

«Тимур, это ты?»

Через пару мгновений получаю ответ:

«А есть еще кто-то, кого заботит твое отсутствие на парах?! Где ты?»

Отвечаю:

«Проспала. Ко второй паре буду. И курсач я твой сделала, можешь не переживать».

«Переживать пришлось бы тебе, если бы не сделала», — огрызается он в своем сообщении.

Мне отчего-то становится приятно, что Тимур сам написал мне. Пусть и не по самому приятному поводу, но написал. Глупо, конечно, радоваться сообщениям от человека, который пытается превратить мою жизнь в ад, но ничего не могу с собой поделать. Маму я ведь все равно люблю, несмотря на вечную нервотрепку, что она мне устраивает. Хотя, это, конечно, другое. Но все же.

Оказываюсь в универе за десять минут до пары и, подходя к аудитории, вижу Тимура. Стоит со своей бандой и смеется над чем-то. Хорошо ему: ни забот, ни проблем, можно и повеселиться. Тимур замечает, улыбка мигом спадает с его лица, и он начинает двигаться мне навстречу.

— Давай сюда, — произносит он, протягивая руку вперед.

— И тебе привет, — недовольно хмыкаю я.

— Че? — кривится он, изогнув бровь.

— Нормальные люди здороваются при встрече, — отвечаю ему, неизвестно откуда набравшись смелости.

— Наумова, ты головой что ли ударилась? — хмурится он, но не злится. — Курсач, говорю, гони.

Вздыхаю и начинаю доставать курсовую из сумки, но вдруг одергиваю себя и произношу:

— Сначала ты мой курсач верни!

— Ты не в себе что ли? — усмехается он, удивленно таращась на меня.

— Нет, ну а как ты хотел? У меня ведь должны быть гарантии. А то заберешь свою работу, а мою не вернешь.

— Да ты че, Наумова?! — вмиг вспыхивает Власов и налетает на меня, словно ураган, крепко зажав между стеной и своим телом. — Где смелости набралась?!

— Нигде, — лепечу я, мотая головой, а про себя думаю: действительно, откуда вдруг такая уверенность в себе?

— Тогда давай сюда курсач. Бегом! — рычит он мне в лицо, а я, как полная дура, плююсь на его губы, которые всего в паре сантиметров от меня.

— Не могу, — тихо отвечаю ему, наблюдая, как в карих глазах зарождается пламя, готовое испепелить меня на месте. — Не могу, потому что ты меня зажал, — добавляю тут же, пока не нарвалась на еще большие неприятности.

Власов отступает назад, и я спешно вытаскиваю курсовую и протягиваю ему:

— Вот, держи.

— Нормально все сделала, или хрень какую-нибудь понаписала? — хмыкает он.

— Хорошо сделала, как для себя. Полночи над ней просидела.

— Ну это уже не мои заботы, — равнодушно отвечает Власов и разворачивается, чтобы уйти.

— Тимур, — жалобно пишу ему вслед. — А как же моя работа?

— На столе у препода она, — бросает он через плечо, не останавливаясь.

Значит, я получила бы зачет, даже если бы не стала делать за него работу? Ничего не понимаю... Неужели он не такой засранец, каким кажется? Или, может, просто брешет, а работа уже в какой-нибудь помойке лежит?

Ожидаю начала занятия как на иголках, теряясь в догадках, правду ли сказал Тимур. И как только Радион Владимирович зовет нас в кабинет, пулей лечу внутрь. Прохожу мимо преподавательского стола и вижу на нем свою работу. Слава богу, не обманул Тимур!

Звучно выдыхаю от наступившего облегчения и сажусь на свое место.

— Только не расслабляйся, Наумова, — слышу за спиной ехидный голос Власова, который почему-то сел позади, тогда как обычно садится за последнюю парту. — У меня для тебя есть новое задание.

Глава 8

Я в полном негодовании. Что, опять?! Новое задание?! Но как же так, я ведь такую работу для него проделала! И мне казалось, что это и окажется моей расплатой за подставу. Выходит, что нет.

— И что же тебе нужно от меня? — тяжело вздохнув, шепчу Тимуру, развернувшись к нему в пол-оборота.

— А тебе уже не терпится приступить? — насмехается он.

— Вообще-то, я думала, что после курсача ты оставишь меня в покое, — хмыкаю я. — И это было бы справедливо, тебе не кажется? Я подставила тебя, но исправила ошибку. Все, хватит.

— Нет уж, Наумова, за свою ошибку ты будешь расплачиваться долго, — протягивает Власов.

— А если откажусь, что тогда? Что ты мне можешь сделать? — с вызовом спрашиваю его. — Бить девчонку будешь?

— Да сдалась ты мне, руки об тебя марать, — кривится он. — Но если ты думаешь, что я ничего не могу с тобой сделать, кроме физической расправы, то глубоко ошибаешься. У тебя есть только два варианта — либо делать то, что прошу я и не переживать о, скажем, испорченных работах по начерталке. Или же ежедневно испытывать на себе все прелести наказания за твою ошибку. Решать только тебе.

Так перевернутый чай был не случайностью?! Это все Власов подстроил?! Ну, конечно, как я сразу-то не догадалась!

Закипаю злостью и уже готова послать Тимура ко всем чертям, за одно и высказать ему все, что о нем думаю. Но не успеваю, потому что Радион Владимирович начинает вести занятие.

За несколько минут прихожу в себя и даже радуюсь тому, что ничего не успела сказать Тимуру. Раз он пошел на порчу моей работы и выкрал курсовую, что он еще может мне сделать? Думаю, очень много неприятного, и лучше не нарываться в очередной раз, а помалкивать. Ведь проблем по учебе я совершенно не хочу, и без того неприятностей уже достаточно.

Когда занятие заканчивается, ко мне подходит Алёна и виновато произносит:

— Прости пожалуйста, мне пришлось дать твой номер Власову. Просто, понимаешь, он...

— Да ничего не объясняй, — прерываю ее и добавляю: — И извиняться не нужно. Мне теперь лучше всех знать, на что способен Власов. И то, что у него есть мой номер — полная ерунда по сравнению с остальным.

— Он тебе что-то сделал? — с опаской интересуется Алёна, пока мы идем по коридору.

— Работу по начерталке испортил, а еще мне прошлой ночью пришлось за него писать курсовую по допечатке, — отвечаю ей.

— Курсовую за ночь?! — изумляется она. — Ну ты и монстр!

— Сама себе удивляюсь, — смеюсь в ответ.

— А ты куда пойдешь на перерыве? — спрашивает Алёна.

— В столовую собиралась сходить. С утра проспала и даже позавтракать не успела.

— О, отлично. Я как раз туда тоже собиралась. Заодно поболтаем. Ты же не против?

— Я? Нет, конечно, — изумляюсь такому странному вопросу. — А почему я должна быть против?

— Ну, ты просто ни с кем особо не общаешься. И мне как-то не хотелось навязываться. Вдруг ты интроверт какой-нибудь?

— Кто? — усмехнувшись, переспрашиваю я.

В голове крутится определение этого понятия, но вспомнить никак не могу.

— Ну, некомпанейский человек, скажем так, — отвечает она. — Который не любит находиться в обществе, а предпочитает быть наедине с собой.

— А, точно. Я все время путаю этих интровертов, экстравертов и амбивертов... Поэтому стараюсь не умничать на эту тему, — хихикаю я. — И, нет, я люблю общаться. Просто времени совсем нет на это. Дорога до дома отнимает так много времени, что даже с учебой еле успеваю.

— А почему тебе тогда общежитие не дали, если так далеко живешь? — интересуется Алёна, пока мы стоим в очереди столовой.

— Мама не пустила, —жимаю плечами.

— Понятно, — кивает она и больше не задает лишних вопросов, видимо, понимая, что это не самая приятная для меня тема.

В столовой беру себе макароны, тефтели с подливой и чай. Тефтели я не очень-то люблю, зато из всех мясных блюд они в столовой дешевле всего. Алёна же набирает себе по полной программе: солянку, мясное рагу, булочку и компот.

Расплатившись за еду, занимаем свободный столик и принимается за еду.

— Ну а что там Власов? Отцепился теперь от тебя? — спрашивает Алёна, уплетая свою ароматную солянку, которую я так обожаю.

— Куда там, — вздыхаю я. — Сказал, что мне придется еще долго выполнять его желания, если не хочу неприятностей, вроде испорченных работ, или чего похлеще.

— Блин, Насть, я тебе сочувствую, — отзывается Алёна и внезапно оживляется: — Слушай, а давай сегодня после пар вместе в торговый центр сходим, а? Развеемся. Там сегодня в одном хорошем магазинчике должна быть крутая распродажа!

— Я бы с радостью, но у меня денег не так много, чтобы еще и одежду покупать, —замявшись, отвечаю я.

— Да брось. Триста рублей не найдешь на клевую кофточку? Ну, ладно, в это лезть уже не буду, дело твое. Но, может, мне хотя бы компанию составишь?

Задумываюсь над предложением Алёны. Сегодня у нас всего три пары, поэтому домой можно сильно не торопиться. Да и я уже давно хотела погулять, да вот не с кем было — школьные друзья из моего города поразъехались, а новыми я так и не обзавелась из-за жесткого графика.

— Согласна! — киваю Алёне, широко улыбаясь, и думаю о том, что день хоть немного, но начинает налаживаться.

Глава 9

Оказывается, Алёна очень приятная в общении девушка, и мне даже становится немного жаль, что я не начала тесно общаться с ней раньше. За обедом мы с ней так забалтываемся, что даже не сразу замечаем, как столовая опустела. И, взглянув на время, хватаем сумки и мчимся на занятие по химии, которое началось уже пять минут назад. Задыхаясь, добегаем до аудитории и тихонько крадемся на свои места, пока Людмила Ивановна стоит ко всем спиной и что-то пишет на доске.

— Кто там опоздал? — сурово спрашивает она, все же заметив наш приход.

— Простите, Людмила Ивановна, — хором отвечаем с Алёной, и я добавляю: — пришли Малинина и Наумова.

— У нас сегодня очень объемная работа, поэтому выполнять будете по два человека. Все должны справиться до конца пары! — произносит преподавательница и приступает к объяснению лабораторной.

— Вместе будем делать? — предлагаю Алёне, когда Людмила Ивановна заканчивает с объяснениями и велит начинать работу.

— Конечно, — улыбается она, и вместе мы идем за чистыми пробирками.

Сама работа не такая уж и сложная, просто действий проделать нужно много, а наступления конечной реакции нужно еще дождаться. Но пока ждем, уже видим, что все сделали правильно — на поверхности раствор становится прозрачным.

— Справились! — тихо пищит Алёнка и тенят ко мне ладонь. — Дай пять!

Почти беззвучно хлопаю ее по ладони и ставлю пробирку в подставку на нашем столе, дожидаясь момента завершения реакции.

— Показывайте, как делали, — произносит Тимур, подходя к нам вместе с Антоном.

— А тебя разве не было в кабинете, когда Людмила Ивановна все объясняла? — хмыкаю я, но суровый взгляд Власова тут же остужает мой пыл.

— На ладно тебе, Насть, пошли, покажем. Мы-то уже освободились, — шепчет мне Алёна.

— Ладно, идемте, — соглашаюсь я, беру чистые пробирки и иду к столику с реагентами. Очевидно, что под словом «показывайте», Тимур имел в виду «сделайте за меня».

Надо было мне догадаться, что он снова решит перекинуть свою работу на меня. Так бы сразу сделала двойную порцию раствора и не пришлось ковыряться второй раз.

Проделав большую часть работы, говорю парням, что нужно будет добавить в пробирку, когда реакция только-только начнется, и вместе с Алёной возвращаюсь за наш стол, предвкушая, что сейчас уже сможем сдать работу и отправиться в магазин. Но вместо этого нас ждет полнейшее разочарование — раствор в пробирке стал темным и мутным, чего точно не должно было случиться.

— Но, как же так? — лепечет Алёна. — Мы ведь все правильно сделали, все пропорции соблюли. Что не так-то?

Задумчиво гляжу на пробирку, и тут меня осеняет!

— Зато я знаю, что пошло не так, — фыркаю я злобно и пикирую на Власова.

— Че нужно? — хмыкает он.

— Ты зачем это сделал?! — сердито спрашиваю его.

— А что я сделал? — с искренним изумлением переспрашивает Тимур.

— Раствор наш испортил!

— Лично я ничего не делал, — качает он головой. — ты ведь помнишь, что я был рядом с тобой?

— Да мне все рано, кто сделал, ты, или твои дружки. Суть от этого не меняется! Но я не понимаю, для чего это было делать?! Я ведь помогла тебе сегодня, написала курсовую. Почему ты так со мной? — злость сменяется каким-то разочарованием.

— Наумова, ты лучше не болтай, а иди переделывай лабораторную, пока есть время. Твоя подруга уже приступила.

Оборачиваюсь и вижу, что Алёна, действительно, начала все заново, хотя времени осталось очень мало, и завершить эксперимент мы в любом случае не успеем. И только я делаю шаг в сторону, как вдруг Власов останавливает меня, схватив за руку, и произносит:

— Я бы хотел помочь тебе, Наумова, но, понимаешь, за добро ведь надо платить. А пока ты отказываешься платить, то и я ничем помочь не могу.

— Что ты хочешь, Власов? Чтобы я продолжала выполнять твои желания? Тогда ты перестанешь делать мне гадости?! — стиснув зубы, спрашиваю его.

— И даже больше, — широко улыбается он. — Если соглашаешься прямо здесь и сейчас, то я, так и быть, помогу тебе сегодня и отдам этот раствор, чтобы вы смогли сдать лабораторную, — он указывает на тот самый раствор в пробирке, что мы с Алёной сделали для него. — Но учти, такая акция щедрости действует все лишь раз. Если снова начнешь выкабениваться и решишь разорвать наш договор, то пощады уже не жди. Ну что, договорились?

— Договорились, — соглашаюсь я, потому что других вариантов у меня, увы, нет, и теперь я это осознаю целиком и полностью.

— Тоха, ты свидетель, — обращается Власов к своему приятелю и протягивает мне руку. — По рукам?

— По рукам, — отвечаю, пожимая его ладонь, а в следующий момент Антон разбивает наше рукопожатие.

— Правильное решение, Наумова, — ухмыляется Власов и протягивает мне пробирку, второй рукой одобритительно хлопая по плечу.

Вот и все. Обратного пути нет, придется мне теперь быть личной прислугой Власова. Главное только, чтобы его желания были соизмеримы моим возможностям.

Глава 10

Получив заслуженный зачет по лабораторной работе, мы с Алёной выходим из универа и садимся на автобус, чтобы доехать до торгового центра, который находится как раз рядом со станцией метро, что для меня очень удобно.

— Вот же Власов зараза, конечно, — выдает Алёна. — Вот все ведь продумал заранее, чтобы уломать тебя на сделку. Его бы мозги, да в нужное русло, а он... Манипулятор хренов!

— Хорошо, что хотя бы дал возможность получить зачет по лабораторке, — отвечаю ей. — И так долгов уже завались, еще разгребать и разгребать, чтобы зачеты получить. А потом еще и сессия впереди... Брр! Даже думать о ней не хочу, так устала! Хочется просто лечь и не шевелиться пару дней.

— Понимаю тебя, — кивает Алёна. — Мне, конечно, не приходится, как тебе, мотаться каждый день в Подмоскowie и делать работы за Власова, но тоже заколебалась. В последнее время в ночные смены работаю, чтобы побольше денег заработать перед новогодними праздниками. Не высыпаюсь вообще!

— А ты работаешь? — удивляюсь я.

— Ага. В типографии рядом с общагой.

— И кем ты там работаешь? — интересуюсь у нее.

— В цехе послепечатной обработки. Календари всякие сшиваю, блокноты. По ночам упаковкой чаще всего занимаюсь. Сейчас перед Новым годом заказов очень много, поэтому и дают подработки по ночам с двойной ставкой.

— Круто, — задумчиво киваю и думаю о том, что тоже бы хотела там подработать, если бы жила неподалеку, как Алёна. — А как ты туда попала, если не секрет? Вроде студентов вообще неохотно куда-то берут.

— Так они студентов и набирают обычно на это время года. На двери в общежитии объявление висело, я и пошла. Вообще без проблем взяли. Да туда всех берут! И всему учат. Главное, быстро работать, чтобы они могли успевать сдать заказы вовремя. А от копуш они сразу избавляются. Правда, при мне такая была только одна, которая еще и умудрилась проработать две недели. Если это, конечно, вообще можно было назвать работой, — хмыкает Алёна. — Пока я десять коробок с блокнотами успевала упаковать, она все еще первую коробку укладывала. Так меня злила, честное слово! Заплатили-то обеим одинаково, вот только я упахалась как лошадь, а она на расслабоне ходила.

Пока Алёна рассказывает мне про свою работу, успеваем доехать до конечной остановки. Выходим из автобуса и идем напрямик к торговому центру. На улице сильный мороз, снег валит, еще и ветер задувает со всех сторон, что даже в шапке чувствую, как отмерзают и начинают болеть уши.

Почти бегом добираемся до ТЦ, пока нас окончательно не сдуло ветром, и заходим внутрь. Кругом гирлянды развешены, разные украшения с потолка свисают, и сразу создается праздничное настроение.

Алёна меня ведет к магазину на втором этаже, в который я сама бы никогда не пошла. Нет, не потому что он плохой, напротив. Просто по его интерьеру сразу понятно, что цены там неподъемные вообще, поэтому идти туда нет никакого смысла.

— Алён, ты серьезно? Мы сюда приехали? — удивляюсь я.

— Ну, да, — протягивает она. — А что не так?

— Ну там же очень дорого, мне так кажется.

— Да нормальные там цены, — убеждает меня она. — Есть и дорогие вещи, конечно, но во время распродажи у них всегда цены офигенные на прошлые коллекции! Видишь, сколько там людей? Пошли уже, пока все самое хорошее не расхватали!

Заходим в магазин и прямым ходом направляемся к стойкам с одеждой, над которыми красуется вывеска «тотальная распродажа». Увидев симпатичную кофточку, первым делом разворачиваю к себе навесную бирку и смотрю на цену. И, действительно, совсем недорого, всего пятьсот рублей. А выглядит минимум на две тысячи.

Сразу оживляюсь и начинаю внимательно рассматривать каждую вещь на стойке, вешая понравившиеся на согнутую руку. Через пятнадцать минут рука уже начинает отрываться от веса одежды, и я предлагаю Алёне отправиться в примерочную.

— Пойдем, но потом еще раз вернемся и досмотрим остальное, окей? — спрашивает она.

— Конечно, — соглашаюсь я и подхватываю Алёну под руку, уводя к примерочным, потому что сама она никак не может оторваться от стоек с бесчисленным количеством шмоток по распродаже.

Располагаемся в примерочных напротив и приступаем к примерке. Надев вещь, показываемся друг другу и даем оценку со стороны. Выходит даже весело, почти как на показе мод. В некоторых вещах вообще не показываюсь, потому что сидят они на мне до невозможного уродски, хотя на вешалке казались очень симпатичными.

По итогу у Алёны остается целых десять вещей, которые она выбрала для себя, у меня же — четыре, на общую сумму полторы тысячи.

— Все, я уже ничего не буду смотреть, — выдыхает Алёна. — А то потом придется в муках выбора думать и гадать, от чего избавиться.

— А я, наверное, возьму только эти, — отвечаю я, выбрав две кофточки, что подешевле.

— Может, лучше тогда этот свитер возьмешь? Он так круто на тебе сидит!

Свитер, и правда, классный. Мягкий такой, с крупной вязкой, бледно-розового цвета. Но стоит он, как две кофточки, которые мне тоже очень нравятся. От четвертой вещи — футболки, я отказываюсь без проблем, все-таки зимой она мне точно не нужна.

— Ай, фиг с ним, беру! — махнув рукой, даю себе добро взять еще и свитер в довесок.

В конце концов, можно ведь сделать себе подарок в честь приближающегося Нового года? Да и стипендия скоро придет. Раз уж пришла, то не уходить же с пустыми руками?

Расплатившись на кассе, выходим из магазина, и у Алёны возникает новое предложение:

— Может, кофе выпьем, а потом уже поедешь? — спрашивает она и добавляет, видя мое замешательство: — Я заплачу, не переживай.

— Не, Алён, неудобно мне как-то, — отмахиваюсь я. — Давай лучше в другой раз? Как экзамены сдадим, сходим куда-нибудь и отметим?

— И после экзаменов сходим, — кивает она. — Ну, пожалуйста, пойдем! Мне хочется тебя угостить, что в этом плохого-то?

Ненадолго задумываюсь и все же решаюсь:

— Пойдем!

Пока ждем свой кофе, я срываю бирку с нового свитера, чтобы уж точно не передумать, и, сняв куртку, надеваю его поверх своей тонкой кофты. Так сильно мне понравился этот свитер, что хочется его поскорее надеть. Тем более, на улице ветер страшный, а в нем мне уж точно не будет холодно, пока буду идти до метро.

Пьем с Алёной кофе и болтаем на отвлеченные темы. Она мне рассказывает о вечеринках в общежитии, на которые ей удавалось попасть, и отмечает, что это довольно сложно, ведь охрана на входе очень строгая и выгоняет всех посетителей уже в восемь вечера. Потому что она залезла в одну из комнат на втором этаже через окно по пожарной лестнице. Вроде как все так делают, кто хочет потусить в общежитии всю ночь.

Я с улыбкой слушаю ее, киваю и думаю: как, блин, круто! У людей там своя жизнь, веселье. И у меня могло быть так же, если бы мама не запретила мне поселиться в общежитии. Эх, мечты, мечты...

— Ну, все, Алён, мне уже пора, — произношу я, взглянув на время. — Пойдешь со мной или пока здесь еще будешь?

— Да я хотела в гипер зайти за продуктами, так что, если ты не против, не буду тебя провожать.

— Конечно, без проблем, — улыбаюсь ей. — Ну что, тогда до завтра?

— До завтра, — отвечает Алёна и обнимает меня на прощание.

Глава 11

По дороге домой прокручиваю в голове рассказы Алёны, и становится немного грустно. Я вроде бы уже достаточно взрослая, а до сих пор делаю только то, что хочет мама. Когда-нибудь это закончится, или она перестанет меня допекать, только когда замуж выйду? Хотя, мне кажется, что она и тогда не успокоится, будет строить не только меня, но и моего мужа, который уж точно не станет этого терпеть и быстренько сбежит. Столько ведь историй о том, что люди разводятся из-за вмешательства матерей. Раньше мне это казалось какой-то ерундой, ведь если люди любят друг друга, то ничто не сможет их разлучить. Но, зная свою маму, начинаю верить в реальность этих историй.

Мне даже становится жаль своего будущего мужа, хотя пока и понятия не имею, кто им может стать. Отношений у меня еще никогда не было, разве что один раз, в одиннадцатом классе. Ваня из параллели позвал меня на свидание после последнего звонка, ну и закрутилось. Аж на целых две недели! Правда, отношениями это сложно было назвать. Мы тогда постоянно гуляли в компании его друзей и почти не общались наедине. Только обнимались и пару раз поцеловались. А потом начались экзамены, поступление... Ну и, собственно, на этом все.

Мне становится еще грустнее. Плохие мысли тянутся друг за другом и превращаются в снежный ком, который увеличивается с геометрической прогрессией. Ведь и личной жизни у меня не было преимущественно из-за мамы. Даже когда встречалась те две недели с Ваней, жутко боялась, что она об этом узнает. Даже не знаю почему. Вроде бы никогда и не говорила мне чего-то вроде «никогда не встречайся с парнями». Но отчего-то я была полностью уверена, что она не поймет и в лучшем случае закатит очередной концерт по заявкам.

Затем я поступила в универ, и не стало времени даже думать об отношениях с кем-то. А все почему? Потому что мама не отпустила меня в общежитие, желая и дальше вести контроль над каждым моим шагом.

А потом я заметила Тимура, и мой мир перевернулся. Казалось, что если не он, то больше никто. Но и перейти к активным действиям я не могла — страшно ведь проявлять интерес первой. И, оказалось, что не зря бездействовала. Ведь, судя по тому, как он сейчас издевается надо мной, я его абсолютно не интересую как девушка.

Ну и возвращаемся к тому, что если бы я жила в общежитии и стала встречаться с кем-то, то сейчас не страдала бы от козней Власова — рядом был бы тот, кто обязательно защитил меня. Но что гадать? Зачем думать о том, что могло бы быть, если бы... Все равно уже ничего не изменить.

Без сил возвращаюсь домой. Хочется только спать и больше ничего. Хорошо хоть на завтра делать ничего не нужно, и я смогу пораньше лечь спать.

— Приехала? — мама выходит из кухни мне навстречу, обтирая руки кухонным полотенцем.

— Приехала, — сдавленно улыбаюсь и устало плюхаюсь в кресло прямо в верхней одежде.

— Натя! — верещит брат и несется ко мне со вскинутыми кверху руками, но вместо объятий начинает катать по мне свою трехколесную машинку, а потом и вовсе убегает обратно в комнату смотреть мультики.

А почему у него машинка трехколесная? Да потому что одно колесо брат зверски отгрыз на прошлой неделе!

— Ну что, на вторую пару хоть успела? — интересуется мама.

— Да, вовремя приехала, даже десять минут было в запасе, — отвечаю ей.

— Но чтоб такого больше не повторялось, поняла? Нечего занятия прогуливать! — поучает она меня, будто я специально проспала. — А ты чего в вещах-то сидишь до сих пор? Снег вон с сапог не отбила, все на ковер течет!

— Да раздеваюсь я, раздеваюсь, — вздыхаю я и с трудом встаю на гудящие от усталости ноги.

Расстегиваю куртку, и вдруг мама как заголосит:

— А это что такое?!

Непонимающе смотрю на нее, не понимая, что вызвало у нее такие эмоции.

— Ты о чем, мам?

— Что за кофта на тебе?!

— А-а, это, — протягиваю я, опустив взгляд на новый свитер, о котором успела позабыть.

— В магазин сегодня с одноклассницей забежали ненадолго. Вот, купила по распродаже.

— Ну-ка, снимай куртку, — подозрительно прищурившись, требует мама.

— Сейчас, дай разуться-то, — бормочу себе под нос, снимая обувь, а затем уже и верхнюю одежду.

— Ну уродство же! — заключает мама, когда видит свитер целиком. — Мешок бесформенный, да еще и непойми какого цвета! Как будто эту кофту уже триста раз постирали!

— Мам, это сейчас самый модный цвет и фасон, — убеждаю ее.

— А должно быть не модно, а красиво! — фыркает мама.

— Ну так красиво же. Разве нет?

— Нет! Говорю же: у-род-ство! Как бомжиха с вокзала! А я говорила, что вкуса у тебя нет совершенно! И в очередной раз убедилась в этом. Вот я тебе же нормальную водолазку купила...

— Ой, ладно, давай не будем больше, — отмахиваюсь я. — Мне же носить, а не тебе. А мне нравится.

— Ну и сколько ты денег за ЭТО отвалила? — уперев руку в бок, спрашивает мама.

— Пятьсот рублей, — отвечаю ей, на всякий случай назвав цену чуть меньше реальной.

— На жратву дрянную у тебя деньги есть, на убогие вещи — тоже. Я тебе, наверное, вообще перестану деньги давать! Чтобы научилась экономить и не тратить их на всякий хлам!

— Да без проблем, — фыркаю я и тут же получаю мокрой кухонной тряпкой по руке.

— Да ты вообще всякий страх потеряла, бессовестная! Огрызаешься, а вместо того, чтобы мне помочь по дому, по магазинам шляешься! На это у тебя, конечно, время есть!

— Да оставь ты меня уже в покое! — кричу ей в ответ, не сдержавшись. — Сколько можно издеваться надо мной?! Каждый день шпыняешь по любому поводу! Что бы я ни сделала — всегда плохая для тебя!

— Это я издеваюсь над тобой?! — кричит так, что слышит ее, наверное, весь дом.

— Ир, ну в самом деле, оставь уже Настю в покое, — высовывается из комнаты отчим и встает на мою защиту, что удивительно, ведь ему обычно ни до кого нет дела.

— А ты закрой свой рот и не влезай, когда я дочь пытаюсь воспитывать! — рычит мама на Олега.

А отчим, получив свою порцию унижения, возвращается обратно в комнату и закрывает дверь.

Пока мама отвлекается на Олега, пытаюсь быстренько смотаться в свою комнату, но мама тут же останавливает меня, больно схватив за руку:

— Я с тобой еще не закончила!

— А я закончила! И больше не хочу с тобой говорить! — резко отвечаю ей и одергиваю руку.

— Ах ты дрянь какая! — выплевывает она и еще раз бьет по мне тряпкой, на этот раз прилетает по лицу.

Хватаю со злостью свободный конец тряпки и выдергиваю ее из маминых рук, чтобы еще раз не получить.

— Хватит! Перестань! — пытаюсь докричаться до нее, но на сей раз получаю обжигающую пощечину.

Закрываю щеку холодной ладонью, пытаюсь унять жгучую боль, а на глаза наворачиваются слезы от обиды. Мама ничего больше не отвечает, демонстративно разворачивается и уходит на кухню. А я закрываюсь в своей комнате и рыдаю в подушку, не останавливаясь.

Это была последняя капля. Больше я так просто не могу. Не могу и не хочу...

Завтра же! Завтра свалю из этого дома навсегда!

Глава 12

Эмоции захлестывают с головой, и я испытываю лишь одно желание — уйти из дома прямо сейчас. Вытаскиваю большую дорожную сумку из шкафа и начинаю без разбора скидывать в нее вещи с полок: книги, методички и прочий хлам. Происходит это до тех пор, пока не прихожу в себя от веса сумки. Нет, я все это не унесу за один раз. Да и разве мне кто-то даст уйти вот так, посреди ночи, пока все еще бодрствуют? И самое главное: куда я сейчас пойду?

Придя немного в себя, начинаю понимать, что при всем желании не унесу все эти вещи за один раз, и решаю подойти к сборам очень тщательно, складывая в сумку только самое-самое необходимое.

Перебираю вещи долго и нудно, чтобы не брать лишнего. Сначала формирую стопки из выбранного, а затем, когда понимаю, что все равно выходит слишком много, отбираю из стопок самое нужное по второму кругу. Весьма нелегко сделать выбор, даже при том, что гардероб у меня очень скудный, а большинство вещей мне вообще не нравится.

Пока собираю вещи, все время напрягаюсь, когда слышу шаги в коридоре. Боюсь, что мама не успокоилась и вот-вот зайдет ко мне. У меня-то есть замок на двери, вот только его можно открыть с обратной стороны ключом, который мама уже давно не может найти в своих ящиках, но непременно найдет, если пожелает меня окончательно доконать. А если еще увидит сумки с вещами... Тогда мне точно конец!

Но, к моему счастью, никто не заходит, даже не пытается провернуть дверную ручку. А потом и вовсе все звуки в квартире затихают. Смотрю на время и выдыхаю — уже десять, все улеглись спать. Самой пораньше не удалось лечь, как планировала до этого, но ничего, еще успею отоспаться. Когда-нибудь.

Заканчиваю со сборами, и все равно выходит слишком много вещей — целых две тяжелых сумки, а это я даже не сложила еще ничего из банных принадлежностей, верхней одежды и обуви!

Понимаю, что придется вернуться домой еще, как минимум, один раз, что меня не радует совершенно. Но другого выбора у меня, увы, нет. Либо возвращаться, либо оставаться без вещей. И будь у меня лишние деньги, я бы выбрала последний вариант.

Подумав о деньгах, задаюсь куда более важным вопросом, чем перевозка вещей — куда их перевозить-то? И самое главное: куда переезжать самой?

Первым делом думаю про Алёну и тут же берусь писать ей сообщение:

«Ты еще не спишь? У меня к тебе есть очень важное дело».

И буквально через минуту раздается звонок от Алёны:

— Привет. Что за дело?

— В общем... Могу я на какое-то время оставить у тебя свои вещи? — шепчу еле слышно в трубку, чтобы не дай бог мама не услышала, если вдруг еще не спит.

— В смысле? Какие вещи? — непонимающе спрашивает Алёна.

— Обычные вещи, мои. Я из дома ухожу.

— Что произошло? Рассказывай! — требует она.

— Да что рассказывать. Мама закатила очередной скандал, и я решила, что больше не хочу с ней жить, — проговариваю это вслух, и мне кажется, что повод для ухода из дома звучит до невозможного банально и глупо, но на деле все куда серьезнее, чем звучит, и в двух словах этого не объяснить.

— Хреново, — заключает Алёна и добавляет: — Конечно же ты можешь оставить свои вещи у меня! А сама куда собираешься?

— Сама... Еще не знаю, — вздыхаю я. — Хочу наведаться в общежитие и спросить заведующую, сможет ли она предоставить мне комнату. Не знаю, конечно, возможно ли такое посреди

учебного года, но все равно попытаюсь. А если нет, то буду искать съемное жилье. Правда, не представляю, где искать и чем за него платить... Хорошо, если моих сбережений хотя бы на месяц хватит.

— Зато я знаю, где искать, — бодро отвечает Алёна.

— Серьезно?! — оживляюсь я, рассчитывая на то, что Алёна подкинет мне какой-нибудь удачный вариант.

— Ага! В квартире, которую я снимаю с еще одной девочкой, пару месяцев назад комната освободилась, и мы все никак не найдем себе третью соседку. Если подселишься к нам, то будет выходить по семь тысяч с каждой.

— Ты серьезно?! — радуюсь я такому удачному совпадению, хотя и понимаю, что семь тысяч отдавать в месяц за жилье не так-то и мало для меня, и за общежитие платить нужно куда меньше.

— Да серьезно я, Насть, — произносит Алёна. — Я бы не стала шутить, когда ты в такой ситуации.

— Алён, у меня прямо камень с плеч упал, — выдыхаю я. — Слушай, может, завтра с утра прогуляем первую пару? Все равно там лекция по матану будет. Попросим кого-нибудь нас отметить, а я к тебе утром зайду и вещи оставлю. Не хочу просто как дура по универу таскаться с сумкой.

— Вообще без проблем! — решительно отвечает она.

— А ты, кстати, далеко от универа живешь?

— Прямо рядом с общежитием, буквально через два дома.

— Супер! Тогда скинь мне адрес в сообщении, ладно?

— Конечно, сейчас напишу.

— Ну, до завтра, Алён. И спасибо тебе, что согласилась помочь.

— Да брось ты, ерунда! Все, жду тебя завтра. Спокойной ночи! — говорит Алёна на прощание и кладет трубку.

Губы растягиваются в несдерживаемой улыбке оттого, что все так удачно складывается. Даже не верится, что судьба мне хоть в чем-то улыбнулась.

Глава 13

Убираю сумки поглубже в шкаф, но вдруг понимаю, что мама слишком уж часто лазит в него, потому что здесь хранятся не только мои, но и вещи брата. И, осознав это, принимаю решение увезти все за раз. Тяжело, конечно, будет, зато мой побег не провалится.

Иду в ванную, моюсь и собираю свои банные принадлежности. Благо их не так много, и среди обилия маминых баночек даже незаметно, что чего-то не хватает. Затем на цыпочках иду в коридор, беру куртку на более теплую погоду, ботинки и кроссовки. Отношу все в свою комнату и заталкиваю во вторую сумку, которая посвободнее. Была посвободнее. С трудом застегиваю молнию, которая от натяжения, кажется, вот-вот разойдется, и снова прячу сумку в шкаф.

Заканчиваю с делами только в полночь. Ставлю будильник и, выключив свет, ложусь в постель. Чувствую предвкушение от надвигающихся перемен, тревогу оттого, что все может пойти не так и... вину. Вину перед мамой. Несмотря на ежедневные скандалы, ссоры и даже пощечину, которую сегодня я незаслуженно получила, все равно очень люблю ее и не хочу расстраивать. Но иначе просто не получается. Не уживаемся мы вместе. Наверняка и я, конечно, в чем-то бываю неправа, но не могу с ней больше. Слишком тяжелый она человек.

Но я не виню маму за это. Думаю, причиной всему ее нелегкая жизнь с моим отцом. Он служил в армии, и сколько себя помню, мы постоянно переезжали из одного места в другое. Помню эти тяжелые переезды, бесчисленные сумки, коробки, мебель, которую разбирали и собирали уже в десятый раз...

Жили мы небогато, если не сказать бедно. Отцовская зарплата была маленькой, а у мамы — еще меньше. Денег едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Что-то вкусное мне покупали только на праздники. Йогурт какой-нибудь, или пирожное. Но хотелось ведь и чаще побаловать себя, поэтому я собирала на улице бутылки и сдавала в магазин, а на вырученные деньги покупала себе какую-нибудь жвачку, и обычный день превращался в праздник.

Но денег не хватало нам не только из-за маленьких зарплат родителей, а преимущественно из-за проблем отца — он был заядлым игроманом. Он умудрялся проиграть зарплату еще до того, как ее получал. Часть долгов так и остались невозвращенными благодаря очередным переездам.

Когда мне было одиннадцать, наши переезды, наконец, закончились, а вот проблемы только набирали обороты, ведь отец проигрывал все больше и больше. Помню, когда он уехал в командировку на два месяца и оставил нас без гроша, а маме задержали зарплату, мы с ней вместе ходили собирать бутылки, чтобы купить хлеба. И это уже было не так весело, как в детстве, когда я испытывала азарт, собирая их, чтобы купить вкусняшку. Выручал тогда нас только скромный военный паек, которым мы с мамой тогда и питались.

Когда я была уже постарше и училась классе в девятом, у нас из дома пропало тридцать тысяч, которые мама долго копила для того, чтобы купить что-то новое из мебели, ведь старая уже рассыпалась. Отец, конечно, с вытаращенными глазами уверял, что ничего не брал, и родители тогда обвинили меня и довели до истерики. Я ведь даже понятия не имела о том, что у мамы есть какая-то заначка! Да и куда я могла бы потратить такие огромные деньги в четырнадцать лет?

Но после того, как мне устроили допрос с пристрастием, мама быстро свела эту тему на нет. Видимо, все же понимала, что мне такие деньги ни к чему, а отец все равно не признается.

Точкой маминого кипения стало извещение о большом долге по кредиту, который отец, как оказалось, взял тайком от мамы. Видимо пристрастие к играм завело его слишком далеко. И вот после этого мама подала на развод. Двухкомнатную квартиру, полученную от государства, мы продали. На две трети мама купила для нас однушку, а вот что отец сделал со своей

долей, я не знаю. Он тогда уволился из армии и переехал куда-то, что мы узнали только спустя время от его сослуживцев. С момента развода папа не выходил на связь даже со мной, так что я даже не представляю, где он, и жив ли вообще.

Не знаю, конечно, какой мама была до встречи с отцом, но, думаю, что именно он сделал ее такой. Я даже не помню, чтобы она была доброй и ласковой в моем детстве. Всегда злая, всегда недовольная чем-то. Да, я не виню ее за то, что она такая, какая есть. Но и моей вины нет в том, что жизнь ее была нелегкой. И хоть я и испытываю вину и стыд за то, что иду против ее воли и тайком сбегая, но я все равно сделаю это. Я ведь не должна страдать, раз страдала она. Я хочу для себя нормальной жизни, и не хочу расплачиваться за ошибки отца. Пусть чувство вины будет глотать меня изо дня в день, но это все же лучше, чем еще несколько лет прожить в кошмаре и стать такой же неуравновешенной и недовольной жизнью, как и моя мама.

Глава 14

Когда утром звонит будильник, мигом отключаю его и испытываю стойкое ощущение, будто не спала вообще. И, нет, не из-за того, что мало спала и не выспалась. Просто всю ночь я находилась в каком-то бреде, и мысли, с которыми я легла спать, не давали покоя, являясь мне отрывками тревожных воспоминаний.

Поднявшись с постели, первым делом иду проверять, не проснулся ли кто из домашних. Нет, все тихо. Возвращаясь к себе, достаю сумки из шкафа и волоку их в коридор, изо всех сил стараясь не шуметь. Очень медленно проворачиваю замок на входной двери, чтобы он не очень звучно щелкал и, отворив дверь,ставляю сумки в подъезд.

Так точно будет безопаснее — мама даже ничего и не заподозрит, если проснется до моего ухода. А среди соседей по площадке только я ранняя пташка, так что можно даже не волноваться, что моими сумками кто-то заинтересуется.

Пока собираюсь в универ, возникает мысль о том, что было бы неплохо оставить маме записку и сообщить в ней о моем уходе. Но если оставить на видном месте, то мама ее прямо с утра и найдет, а потом будет весь день названивать, как заведенная. А если оставить, скажем, в моей комнате, то не факт, что мама вообще сегодня ее найдет, и будет волноваться, когда я вовремя не появлюсь дома.

Решаю, что сообщу ей о своем уходе в сообщении. Это проще, чем сказать по телефону, и лучше обычной записки — уж сообщение-то она наверняка увидит.

Стою в коридоре обутая, одетая, с сумочкой на плече. Оглядываю квартиру растерянным взглядом. Ну вот и все. Готова уходить, а на душе становится совсем паршиво, слезы наворачиваются. Так больно и тоскливо, словно я сюда больше никогда не вернусь даже навестить родных. Но это ведь не так, правда ведь? Мама обязательно остынет и смирится с моим решением. Когда-нибудь...

«Так, не раскисать!» — мысленно говорю сама себе, утирая слезы. — «Это просто привычка, привязанность. Конечно, ты в стрессе от надвигающихся перемен. Но все ведь к лучшему! Ты ведь именно этого и хотела, освободиться и начать самостоятельную жизнь!»

Чувствую, что уговоры не помогают, а решимость тает все сильнее с каждой секундой. Может, я погорячилась? Может, не стоит этого делать? Ну, ругается мама, кричит, держит меня в ежовых рукавицах и во всем контролирует... Но так ведь всегда было, что тут удивительного или нового? Давно пора было привыкнуть и смириться.

В момент моей внутренней борьбы с самой собой, из комнаты появляется мама. Уже с самого утра лицо у нее злое. Смотрит на меня с прищуром, направляясь к ванной, и испепеляет гневным взглядом. Ни слова не произносит, ни «привет», ни «пока», ни «удачного дня», даже не говорит, какая я бессловесная, бесстыдная и все в этом духе. Зато ее глаза говорят мне многое.

И ее взгляд меня отрезвляет. Грусть куда-то испаряется, и возвращается осознание того, что я приняла верное решение. Провожая маму взглядом и выхожу из дома, шагая навстречу новой жизни.

Сегодня сумки кажутся еще тяжелее, чем вчера. Понимаю, что просто не дотащу их до остановки без передышек — слишком далеко идти. А потому вызываю такси. Очередная бездумная растрата денег, как сказала бы мама, но сейчас для меня это необходимость.

Добравшись до вокзала, захожу в здание, покупаю билет и с трудом прохожу через турникет, цепляя ногами сумки. Поднимаюсь по лестнице и понимаю — все, больше не могу. Но едва я собираюсь поставить сумки и отдохнуть, как вдруг из-за спины раздается мужской голос:

— Давай помогу!

Не успеваю даже ответить, как мужчина сам забирает из моих рук сумки и шустро идет вверх по переходу, широко шагая через ступеньки.

— Спасибо большое! — пыхчу я, пытаюсь поспеть за резвым мужчиной.

— Это куда же ты с такими тяжелыми сумками едешь? — интересуется он.

— В общежитие, — отвечаю ему без лишних подробностей.

— А, ну это дело хорошее, — подмечает он и широко улыбается, видимо, вспоминает в этот момент свои студенческие годы.

Электричка подъезжает буквально через несколько минут после моего прихода на перрон. Мужчина все так же любезно помогает мне с сумками и, зайдя в вагон, закидывает их на верхнюю полку.

— А вы до конечной? — перепугано спрашиваю его. — Я ведь сама их оттуда не достану...

— Не переживай, я до конечной, — улыбается он. — До метро тоже помогу донести, а дальше уже самой придется, а то я на работу опоздаю.

— Спасибо! — киваю ему и радуюсь, что мир не без добрых людей.

Доезжаю до конечной станции и иду к метро в сопровождении моего помощника, посланного небесами. Прощаюсь с ним у входа в место и еще раз благодарю за помощь. Больше таких отзывчивых мужчин мне на пути не встречается, потому дальше тащу сумки сама. И, сев в автобус, понимаю, что мои силы на исходе. Руки трясутся, ладони болят. От остановки, которая находится почти напротив общежития, я уже точно не дойду до нужного дома. Не нахожу других вариантов, как снова обратиться за помощью к Алёне, и набираю ее номер:

— Привет, — отвечает она на звонок. — Ты уже приехала?

— Нет, еще в автобусе еду, буду минут через пятнадцать на остановке, — отвечаю ей. — Неудобно тебя просить, но ты не могла бы меня встретить и помочь донести вещи? У меня две сумки тяжелые, и руки уже отрываются. Но если не можешь, то ничего страшного.

— Да какие вопросы! Ну, конечно, помогу! — бодро отвечает она. — Я тогда сейчас одеваюсь и иду на остановку. Если вдруг не успею к твоему приезду, то подожди меня. Договорились?

— Конечно, Алён, я тебя дождусь. Спасибо!

Когда автобус подъезжает, вижу, что Алёна уже ждет меня. Она помогает мне выйти из автобуса, и вместе мы тащимся с сумками к ней домой.

— Ты когда планируешь к заведующей общаги идти? — интересуется она.

— Да вот сейчас сумки отнесем и сразу пойду, пока еще есть время до занятий.

— Ну и правильно, а то вечером после пар ее наверняка уже не будет. Пятница ведь — короткий день.

— Что, правда? Уже пятница? — изумляюсь я.

Алёна кивает в ответ.

— Слава богу! Мне казалось, что эта кошмарная неделя никогда не кончится!

— А что там, кстати, Власов? Не писал тебе больше?

— Не-а. Надеюсь, что ему хватит общения со мной и в универе, — хмыкаю я и перекидываю сумку в другую руку.

Глава 15

С передышками, наконец, добираемся до квартиры Алёны и оставляем сумки в ее комнате, а затем идем в общагу — Алёна решает составить мне компанию, чтобы потом сразу пойти вместе в универ. Заодно показывает, где находится кабинет заведующей.

Постучавшись, а приоткрыла дверь, заглянула в кабинет и робко протянула:

— Здравствуйте. К вам можно?

— Заходите, — сухо отвечает темноволосая женщина в очках лет пятидесяти.

Вид у нее строгий и незаинтересованный. Бордовые губы-ниточки недовольно натянуты, что говорит мне лишь об одном — разговор, похоже, не заладится.

— По какому вы вопросу? — спрашивает она, а я переминаюсь с ноги на ногу, подбирая слова.

— Я хотела узнать, есть ли у меня сейчас возможность получить комнату в общежитии, — отвечаю ей, и пока женщина еще ничего не успела ответить, продолжаю: — Дело в том, что когда я поступала в университет, то могла получить общежитие, как иногородняя, но мама мне тогда не разрешила переехать. Но я очень много времени трачу на дорогу, и сейчас, на третьем курсе, я совсем не успеваю с домашними работами, потому что задают очень много, а приезжаю я поздно. Я понимаю, что сейчас середина учебного года, а заселяют вначале, но, может быть, все же найдется место для меня?

Женщина задумчиво молчит и смотрит исподлобья. Видимо, не понравилась ей моя просьба.

— Все правильно, заселяют вначале года, — кивает она и интересуется: — А сколько времени вы тратите на дорогу?

— Около трех-четырех часов в одном направлении, — решаю немного слукавить и накидываю сверху часок.

— Да, много, — протягивает она. — Ну, скажите своей маме спасибо, что придется и дальше ездить, потому что места у меня два вас нет.

— Вот как, — вздыхаю я, поджимаю губы от досады и шагаю к двери. — Тогда извините, пожалуйста, за беспокойство. До свидания!

— Подождите, — останавливает она меня, и я мигом оборачиваюсь. — В январе приедут студенты заочники на сессию, несколько комнат у меня отведено под них. Я смогу заселить вас в одну из тех комнат в феврале, после того как студенты закроют сессию и съедут. Но у меня будет одно условие.

— Какое? — оживляюсь я, согласная сейчас на все ради того, чтобы получить возможность жить в общежитии.

— Нужно будет сделать косметический ремонт за свой счет, — отвечает она. — Обои поклеить, потолок побелить. Не пугайтесь, ничего сверхъестественного делать не нужно, просто освежить помещение. Обои можно будет купить недорогие, но желательно не бумажные, а то они оботрутса быстро.

— Я согласна! — быстро киваю и улыбаюсь. — Спасибо вам огромное!

— Пока еще не за что, — сдавленно улыбается заведующая. — Вот там листочек, запишите на нем свои имя и фамилию, телефон для связи и учебную группу. Когда можно будет заезжать, я позвоню вам.

Пулей лечу к столу, записываю все, что заведующая попросила, и выхожу из кабинета, попрощавшись.

— Ну, что она сказала? — интересуется Алёна, шагнув мне навстречу, когда я выхожу из кабинета.

— Что сказать... Похоже, ты нашла новую соседку, — отвечаю ей, усмехнувшись.

— Отказала? — раздосадовано произносит она.

— Нет, не отказала, — мотаю головой. — Но заехать можно будет только в феврале.

— Так это же отлично! Всего пару месяцев подождать, — отвечает Алёна. — Ну что, выходит, ты пока со мной будешь жить?

— Ага, — улыбаюсь ей.

— Ну и здорово! — Алёна подпрыгивает от радости и принимается меня обнимать. — Только надо будет с хозяйкой бумаги о съеме подписать. Но это уже мелочи, сделаем!

Основная проблема решена, и со спокойной душой я отправляюсь вместе с Алёной в универ. Настроение у меня хорошее, я бы даже сказала замечательное! Вот только пока я жду начала занятия возле аудитории, а Алёнка болтает с кем-то по телефону неподалеку, замечаю вдруг Власова, стремительно пикирующего на меня, и понимаю, что сейчас мое настроение точно будет испорчено.

— Как дела? — обращается он ко мне с ехидной ухмылкой. — Вижу, настроение у тебя хорошее.

— Нет, не хорошее, тебе показалось, — ровно отвечаю ему.

— Да? Ну, ничего, я сейчас тебе его точно подниму!

— Что-то сомневаюсь в этом, — вздыхаю я, ожидая очередного задания от Власова.

— А ты не сомневайся, потому что впереди у тебя будут насыщенные выходные, — отвечает он, и я еще больше настораживаюсь.

— Власов, что ты хочешь, чтобы я сделала? Говори уже, не тяни резину, — хмыкаю ему в ответ.

— Неверная формулировка. Это не я хочу, чтобы ты делала что-то для меня. Этого хочешь ты сама, а взамен получаешь мое снисхождение, — издевательски отвечает он, достает из своей сумки какие-то листы и протягивает мне: — Вот, твое задание на выходные.

— Нет, Власов, пожалуйста, только не это! — с ужасом проговариваю я, когда понимаю, что в руках держу сложенный в несколько раз ватман с работой по начерталке.

— Да, Наумова, да, — кивает он. — Там даже все исправлено ручкой, надо всего лишь перечертить начисто.

— Всего лишь перечертить?! — возмущаюсь я. — Тимур, ну, пожалуйста, не издевайся надо мной! У меня сейчас и без тебя забот целая куча, да и свою работу еще нужно переделывать. Я просто не успею все!

— Как думаешь, чьи это будут проблемы, если ты не успеешь? — посерьезнев, спрашивает Власов, окинув меня ледяным взглядом.

— Мои, — отвечаю ему, опустив глаза в пол. — Ладно, я все сделаю.

Тимур уже собирается уйти, как вдруг кладет руку мне на талию и шепчет, обжигая ухо горячим дыханием:

— Вот и правильно. Будешь хорошей девочкой, и я буду нежен.

Меня будто током прошибает он его шепота и прикосновения, а по коже проносится неровный строй мурашек. Не знаю, замечает ли Тимур мою реакцию на него, но смотрит на меня с какой-то хитростью и азартом. Наверное, он просто получает удовольствие от издевок надо мной.

Все это длится секунд десять, не больше. Тимур отходит в сторону, а я в ступоре стою с разинутым ртом и хлопаю глазами.

— Эй, Насть, ты чего это? — тихо спрашивает Алёна, подойдя ко мне, и тычет пальцем в мое плечо.

— Я? Все хорошо, просто задумалась, — отвечаю ей на автомате, а сама пытаюсь понять, что сейчас было.

— Чего Власов хотел? Опять припряг чем-то, или просто поиздеваться решил?

— Я бы сказала, и то, и другое, — хмыкаю я, демонстрируя Алёне смятый ватман с чертежом.

— Боже, что за изверг! — сквозь зубы цедит она. — Может, пошлешь его уже к черту, да и дело с концом?

— Ты уже забыла о лабораторной? — припоминаю ей вчерашний инцидент и недовольно поджимаю губы. — Просто он не отстанет, Алён. И больше всего боюсь, что из-за его козней я вылетчу из универа. А оно мне надо? Все эти переживания, нервотрепка... Уж лучше я сделаю лишнюю работу за него, чем буду бесконечно разгребать проблемы с учебой.

— Ладно, Настюх, не переживай, прорвемся. Буду тебе помогать с работами, — подбадривает меня Алёна.

— Спасибо тебе. Ты меня так выручаешь во всем!

— Ну а как же иначе? Для этого и нужны друзья.

Глава 16

После универа приходим с Алёной домой, ужинаем макаронами с сосисками, которыми подруга любезно делиться со мной. Затем Алёна вручает мне комплект ключей от квартиры, я переносу свои сумки в пустующую комнату и принимаюсь разбирать вещи.

— Кстати, а кто в третьей комнате живет? — интересуюсь у Алёны, которая решила составить мне компанию.

— Оля, — с подозрительным недовольством отвечает она. — Она менеджер со второго курса.

— А вы с ней дружите?

— Дружим? Нет! — сдавленно усмехается Алёна. — Куда нам, простым смертным, дружить со звездой? Нет, ну ты не переживай, гадостей-то она никаких не делает, да и вообще дома бывает редко. Но общаться с ней очень тяжело, слишком она высокомерная и самовлюбленная особа.

— Вот так, — киваю я, изогнув бровь. — Ну и ладно, пофиг на нее. Если уж Власова удается терпеть, то ее вытерплю и подавно!

Хихикаем на пару с Алёной, и тут она смотрит на время и подскакивает с места:

— Ой, мне же на работу пора! Я побежала!

— Погоди! Может, я с тобой пойду, заодно узнаю, возьмут ли меня?

— В понедельник пойдешь со мной, — отвечает подруга. — Я еще днем написала начальнице, узнавала за тебя. Она сказала, что без проблем возьмет, работы хватает. Вот только оформить тебя смогут в понедельник, тогда и приходиться с документами.

— Класс, спасибо! — радуюсь я и обнимаю Алёну, ведь благодаря ей уже успела получить работу, которая мне сейчас просто позарез нужна. — Давай я тогда хоть провожу тебя? Заодно в магазин схожу, продуктов каких-нибудь возьму.

— Сейчас, погоди, — Алёна выбегает из комнаты, а через минуту возвращается с двумя тысячами в руках и протягивает мне. — Вот, держи. купишь еды на нас двоих, холодильник все равно уже пустой.

— Алён, не нужно, — мотаю головой. — Я и за свои куплю на нас обеих.

— Так, вот щас вообще не время выделываться! Сама говорила, что сбережений почти нет. А вот как на работу пойдешь, тогда уже и будешь покупать за свои.

— Хорошо, спасибо, — соглашаюсь с ей и принимаю деньги.

— Ну все, если идешь меня провожать, тогда пошли быстрее!

Бросаю разбор вещей и сразу иду одеваться, чтобы не задерживать Алёну.

Выходим из подъезда, и вижу белокурую девицу в сапогах на высоком каблуке и коротеньком пальто не по сезону.

— О, Оля, привет, — обращается к ней Алёна. — А я нам соседку нашла! Знакомьтесь: Оля — это Настя, Настя — это Оля.

— Рада знакомству, — улыбаюсь я соседке.

— И я, — сухо отвечает она, но тут же оживает: — Ой, а я вас сейчас со своим парнем познакомлю!

— Так я с Витей уже знакома, — в смятении отвечает Алёна.

— Да не с Витей! — шикает на нее Оля и машет рукой. — У меня уже новый парень.

— А-а, — протягивает Алёна. — Ну, сорри, я была не в курсе.

— Котик, ну ты там где? — оборачивается Оля и кричит парню, который стоит к нам спиной и ковыряется в машине.

Губа у Оли точно не дура! У ее парня-то крутая иномарка. Я в машинах, конечно, не очень разбираюсь, но с первого взгляда понятно, что машина стоит дорого.

Втроем стоим и выжидающе смотрим в спину Олиному парню. Наконец, он заканчивает со своими делами, захлопывает дверь авто и поворачивается к нам. Моему удивлению просто нет предела.

Серьезно? Власов?!

В знакомстве с Олиным парнем теперь точно нет никакой нужды. Меняюсь в лице и переглядываюсь с Алёной, которая удивлена не меньше моего.

— Тим, познакомься, — произносит Оля, когда Власов подходит к нам. — Это мои соседки по квартире — Алёна и...

— Настя, — отвечаю сама за себя, и даже не удивлена тому, что Оля не запомнила моего имени.

— Вот так встреча, — усмехается Власов.

— А вы что, знакомы? — удивляется Оля.

— Так, все, нам пора! — прерывает разговор Алёна, хватая меня за руку и тащит за собой.

Идем так быстро, словно за нами черти гонятся, и сбавляем шаг, только когда заворачиваем за угол.

— Вот это приколы, — изумленно протягивает Алёна. — Походу Власов у нас богатенький буратино. Олька только таких себе выбирает.

— Да плевать, если и богатенькой. Но, Блин, Власов? Seriously? Теперь он и дома не оставит меня в покое? — взволнованно тараторю я.

— Не, на этот счет не переживай, — отмахивается Алёнка. — Своих парней Оля домой почти не водит, так что мозолить глаза он нам не будет. Да и не думаю, что это у них долго продлится. Максимум месяц.

— Хорошо, если так, — вздыхаю я.

— Ну все, пришли, — Алёна указывает на здание типографии, в которой работает. — Я побежала. Завтра увидимся!

— До завтра. Хорошо тебе отработать! — отвечаю ей и плетусь в магазин, озадаченная последними событиями.

Хорошо, если Алёна окажется права, и Власов не станет постоянным гостем в нашем доме. Но этот его взгляд, когда он узнал, что мы с Олей соседки... Очень хочу ошибаться, но что-то мне подсказывает, что безумная игра Власова только начинается. А главной игрушкой в ней стану я...

Глава 17

Из магазина я возвращаюсь с полным пакетом продуктов. В квартире свет нигде не горит, полная тишина, отчего испытываю облегчение — находиться в компании Оли и Тимура мне сейчас уж точно не хотелось бы. Выкладываю продукты в холодильник и иду дальше в свою комнату разбирать вещи.

За этим процессом вспоминаю, что до сих пор ничего не сообщила маме, и решаюсь отправить ей сообщение. Стараюсь написать как можно мягче и объяснить ей, что уже точно не стану возвращаться обратно домой, чтобы она не предпринимала попыток убедить меня в обратном и не выносила мозг по этому поводу. Пишу ей и о том, что буду пока снимать квартиру, а в феврале перееду в общежитие.

Очень прошу ее не устраивать очередной скандал, не разводить ссору. И добавляю, что телефон пока отключу, чтобы она спокойно обдумала все и не названивала. Честно говоря, боюсь ее реакции и того давления, что она может оказать даже по телефону. Не хочу в очередной раз нервничать и чувствовать свою вину, ведь если мама позвонит, она обязательно заставит меня испытывать все это.

Отправляю свое огромное смс и сразу включаю режим самолета. От волнения руки трясутся, а пульс давит на виски. Страшно представить мамину реакцию на мою новость. Не хочется, чтобы она волновалась, но все равно не в силах это предотвратить.

Все валится из рук, сил совершенно нет, а время всего восемь вечера. Распихиваю вещи по полкам уже как попало, планируя сделать все по-человечески уже завтра. Застилаю кровать постельным бельем, которое мне дала Алёна, и без задних ног заваливаюсь спать.

Я рассчитывала, что сегодня, наконец, хорошенько высплусь. Напрасно. Просыпаюсь я в девять утра оттого, что кто-то громко хлопает входной дверью. Пытаюсь вновь уснуть, но никак не выходит — мысли о том, как отреагировала мама, никак не выходят из головы. Решаюсь все же отключить режим самолета на телефоне и жду оповещений, вроде такого: «Абонент Мама звонил вам 100500 раз». Но, к своему удивлению, информации о пропущенных вызовах нет, а вот смс от мамы все же получаю:

«Скатертью дорога! Можешь больше не возвращаться, мне такая неблагодарная дочь не нужна!».

Я ожидала, многого, но не такого, честно. Думала, она будет кричать, ругаться, покрывать меня благим матом... Думала, что звонки от нее с требованием немедленно вернуться будут раздаваться ежедневно. А пришло всего одно смс. Да, неприятно это читать, но я как-нибудь переживу. Главное, что больше никакой нервотрепки не будет. Можно выдохнуть, наконец, и начать самостоятельную и спокойную жизнь.

Стараюсь больше не думать о словах мамы. Хочется просто расслабиться и отдохнуть. Выхожу из своей комнаты в надежде встретиться с Алёной, но ее дома почему-то до сих пор нет. Оля, похоже, тоже не вернулась с гулек с Власовым, и вся квартира предоставлена одной мне.

Вчера я улеглась спать и даже не помылась, а потому решаю первым делом с утра отправиться в ванную. Искупавшись, заматываюсь в полотенце, возвращаюсь в свою комнату и начинаю искать нижнее белье в той куче неразобранных вещей, что вчера затолкала в шкаф. Внезапно слышу шаги, раздающиеся в коридоре, и даже вздрагиваю от неожиданности, ведь была уверена, что дома никого нет. А еще через мгновение дверь распахивается, и в мою комнату входит он. Власов.

— Ч-что... Что ты здесь делаешь? — вздрагиваю я, крепче прижимая полотенце к влажному после душа телу.

— В гости пришел, — невозмутимо отвечает он, будто происходящее вполне в порядке вещей.

— Но я тебя не приглашала!

— Думаешь, мне нужно твое приглашение? — хищно ухмыляется он и медленно приближается, а я пячусь назад, словно загнанный в ловушку зверь.

— Власов, выйди из моей комнаты, пожалуйста, — прошу его по-хорошему. — Оставь меня в покое хотя бы дома!

— Оставить тебя в покое? Я правильно понимаю, ты хочешь разорвать наш договор? — зло щурится он и подходит вплотную, заставляя меня вжаться бедрами в письменный стол.

— Нет, — в ужасе мотаю головой. — Если тебе так принципиально, то оставайся, только...

Слова застревают в горле, когда в глазах Тимура вспыхивает опасный азарт, а его ладонь касается моего бедра.

— Правильно, Наумова. У тебя больше нет возможности отказаться. Но не бойся, это задание тебе точно понравится...

— Тимур, что ты делаешь? — с придыханием спрашиваю я и трясущимися руками упираюсь в его грудь, пытаюсь оттолкнуть, но Власов ни на сантиметр не сдвигается с места.

— А что здесь непонятного? — ведет он бровью. — Ты уже взрослая девочка, должна все понимать. Ну же, не ломайся.

— Мы на такое не договаривались! — мотаю головой и вновь прижимаю полотенце к своему обнаженному телу, боясь, что Власов сорвет его с меня в любой момент.

— Ты согласилась выполнять все, что я захочу. Забыла? — бросает он с наглой ухмылкой, а в его глазах плещется опасный азарт. — И рамок дозволенного ты не обозначала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.